

Владислав **КРАПИВИН**

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

Паруса «Эспады»

Владислав Крапивин

Рыжее знамя упрямства

«наследники Крапивина»

2006

Крапивин В. П.

Рыжее знамя упрямства / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 2006 — (Паруса «Эспады»)

ISBN 5-699-14752-7

В романе «Рыжее знамя упрямства» у юных и взрослых героев немало проблем. Здесь рассказывается о судьбе отряда «Эспада», с которым читатель мог познакомиться в двух предыдущих романах «Мальчик со шпагой» и «Бронзовый мальчик». Действие разворачивается в наше время, а оно не стало более простым и легким, чем семидесятые и девяностые годы прошлого века. Выстоять, не спустить флаг помогают капитанам и барабанщикам «Эспады» прочная дружба и верность давним традициям, своему знамени, своим парусам.

ISBN 5-699-14752-7

© Крапивин В. П., 2006

© наследники Крапивина, 2006

Содержание

Вступление	5
Первая часть	16
Пламя на мысу	16
1	16
2	19
3	23
Ночь и лес	28
1	28
2	30
3	35
Календари	39
1	39
2	43
3	46
Тетрадь профессора Медведева	48
1	48
2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Крапивин

Рыжее знамя упрямства

Вступление

Свой человек в Гаванском

1

Шестиклассника Вячеслава Словуцкого в отряде никогда не звали Славой или Славкой. Говорили "Словко". Как бы склеивали имя и фамилию в одно короткое слово. С чего это повелось, он не помнил. С давних пор он был Словко – не только для других, но и внутри, для себя самого. К этому имени он привык так же, как ко всей отрядной жизни. К отрядным обычаям, к отрядной форме, к уверенному ритму отрядных сигналов и к отрядным правилам...

Эти правила, кстати, не позволяли вахте заменять мытье пола поверхностным маханием шваброй и размазыванием сырой пыли по линолеуму. Однако новички – четвероклассники Глеб и Валерка – этого еще не понимали. Жизнь приучила их, что добросовестно дежурить следует лишь под неусыпным оком классной руководительницы или под угрозой записи в дневнике. В общем, школьное воспитание. Простая истина, что на суше привычка к мелкому разгильдяйству может обернуться бедой во время плавания, была им уже известна, но пока так, теоретически. Горького опыта корабельных ЧП эти люди еще не обрели. И чтобы не пришлось обретаать в будущем, Словко добродушно сказал:

– Господа вахтенные, шагом марш ко мне.

Они охотно прошлепали босыми ступнями по мокрому полу. Озорно вытянулись, вскинули швабры «на караул».

– Молодцы... А теперь взяли ведра, и тащите чистую теплую воду... Да каждое вдвоем, а то риф-сезни в брюхе развяжутся...

Глеб и Валерка не были лодырями. Бодро приволокли одно за другим два полных ведра.

– Теперь брысь от кингстонов, – велел Словко. Он сдернул кроссовки и носки и пинком опрокинул ведра. Взял швабру.

– Смотрите... Сгоняете грязь в одно место, собираете в ведро, потом окатываете линолеум чистой водой и вытираете тряпкой. Танцуйте веселей, как на горячей железной палубе. Должны уложиться в десять минут. Ясно?

– Ага! – гаркнули они. Оказалось, что занудное мытье пола может стать азартным делом.

Глебка, правда, спросил:

– А если не уложимся, тогда что?

– Страх подумать, *что*, – пообещал Словко и сел на подоконнике – делать запись в вахтенном журнале за истекшую половину дня. Запись получилась не длинная, поскольку ничего особенного нынче не произошло. То есть произошло, но Словко упомянул об этом одной короткой фразой – из скромности.

Конечно, за десять минут Валерка и Глеб не управились, но страшного не случилось. Они унесли ведра и швабры в кладовку, обулись, вопросительно встали перед командиром вахты.

– Герои, – сказал Словко и прыгнул с подоконника. – Только ликвидируйте свою оборотистость.

Они понятливо поддержали форменные шортики (без ремней еще – новички же), заправили в них оранжевые рубашки с черными гладкими погончиками кандидатов, лихо дернули на левое ухо флотские береты с маленькими якорями. Вопросительно глянули опять.

– Давайте ваши клешни и брысь по домам, – распорядился Словко. Он обменялся с отдежурившими кандидатами рукопожатием. Те дурашливо сделали поворот кругом и замаршировали через «каминный» зал (главное помещение «Эспады», где на стене был нарисован масляной краской пылающий камин). Но в коридоре – Словко видел это через распахнутые двери – они стали серьезными. Добросовестно отдали салют эмблеме отряда, что висела над выходом. («То-то же», – сказал про себя Словко). Ребята прихватили с вешалки зонтики, бухнула наружная дверь.

Словко обулся и понес журнал в кают-компанию.

Там, погруженный в книги и записи, устроился за обширным письменным столом Даниил Корнеевич Вострецов – старший флагман флотилии. Словко добавил к тетрадям и книгам на столе вахтенный журнал.

– Корнейч, у меня всё...

– Угу, – он не поднял головы.

Словко придал голосу некоторую официальность:

– Господин гросс-адмирал! Вахту сдал. Дозвольте сделать «брысь домой»?

Корнейч, по-прежнему глядя в бумаги, помахал над плечом растопыренными пальцами:

– Брысь домой, капитан Словко.

Словко не обиделся на такое неуставное прощание, без традиционных фраз и рукопожатия. Чего там, свои люди, можно иногда и без церемоний. Тем более, что Корнейч между делом уронил на Словкину душу капельку меда: «Капитан Словко...»

Улыбаясь про себя, Словко сдернул с крючка в коридоре и натянул невесомую ветровку, салютнул эмблеме над выходом. Это был массивный, покрытый серебристой краской щит с тремя красными треугольниками-парусами и золотистыми рыбами, взятыми из герба города Преображенска. Словко нажал плечом дверь и оказался на улице.

Курточку надел он вовсе не потому, что опасался, будто прохожие станут пялиться на его шевроны и аксельбанты. Форма была для него привычна, как для птахи перья. Да и глазеть могли только случайные люди, а жители здешних кварталов давно уже не обращали внимания на ребят из «Эспады». Просто Словко опасался, что на улице моросит.

Однако не моросило. Правда, пахло недавним дождем, сырым асфальтом и мокрыми увядшими лопухами, но зябкости не ощущалось. Воздух сентябрьского вечера был теплым и даже таким... снисходительно-ласковым. В сумеречных облаках проклевывались кусочки бледного чистого неба. А деревья стояли еще не пожелтевшие...

Словко не пошел на автобус (чего там толкаться) и двинул к дому напрямую: по Профсоюзной, потом через мостик над заброшенными пристанскими рельсами и по улице Кочегаров, которая пересекала Гаванский переулок.

Название переулочка не имело отношения к столице Кубы. Дело в том, что переулок уходил к спуску, ведущему на берег. Когда-то там была гавань буксирных пароходов и катеров. Еще в семидесятых годах по реке сплавлялись плоты и ходили сухогрузы. Но с того времени река Сож изрядно обмелела, пристань и буксиры оказались не нужны, а название переулочка осталось, как память о двадцатом веке.

Словко не пошел к берегу. (Что ему там делать! У него с друзьями другой берег – широченного Орловского озера!) Просто глянул в сторону реки, вдоль переулочка. За рекой пасмурные облака приподнялись, и закатное солнце высветило под ними длинную желтую щель.

Щель была как напоминание. О золотой полоске, сложенной углом и пришитой к нижней части Словкиного шеврона.

Это случилось сегодня. Словко и не ожидал. В середине дня заседал обычный совет, по разным текущим вопросам. И Словко там был, потому что, хотя и не капитан, зато командир вахты – он должен был сделать запись о совете в журнал. И когда все вопросы быстренько обсудили, а Корнеич очередной раз поспорил с Аидой (то есть Аидой Матвеевной) по поводу штурманского класса, вдруг спохватился инструктор Даня Рафалов. Он был не такой пожилой, как Аида и Корнеич, но тоже совсем взрослый, хотя и с ребячьим прозвищем – Кинтель. Кинтель вдруг будто вспомнил:

– Люди, а не пора ли решить вопрос о Словко?

– А чего? – удивился Кирилл Инаков. Кажется, решил, что Словко в чем-то виноват, и собрался заступаться.

– А того, что сколько можно ходить человеку в штурманах? Всю практику оттянул на капитанском уровне...

– Но ведь, если не ошибаюсь, Словутскому нет еще двенадцати и он пока не имеет прав рулевого, – мягко въехала в разговор Аида. Корнеич мельком посмотрел на нее. Наверно, подумал: «Ты, хотя и штатный психолог, но в судоводительские дела не лезла бы...»

– О чем разговор! – вмешался опять Кирилл. – Давно пора. А будет двенадцать, сразу же и сдаст на права.

– Да у него и так все зачеты сданы, – сказал Кинтель. Осталось дотянуть до дня рождения и получить корочки. – Верно, Корнеич?

– Я разве против? – откликнулся тот.

Никто не был против. Даже Аида проголосовала «за» (Корнеич опять глянул на нее).

– Поздравляем, – подвел итог Кинтель.

Быстро так все вышло, Словко опомниться не успел. Столько мечтал о таком моменте, и вдруг – раз и готово!

Обычно это делалось не так. Совет выносил свой вердикт в отсутствие кандидата в капитаны, а потом решение объявляли на общей линейке (и аплодисменты, и марш-поздравление барабанщиков, и зачисление в состав совета). Но раз уж Словко сейчас был здесь, на совете, не выставлять же за дверь. Ну а линейка и барабаны – это можно и потом...

Поощрительно улыбаясь, Аида вынула из ящика стола капитанскую нашивку. Но Словко не захотел такую. Вензель, угольники и якорь были оттиснуты на ней желтой пластиковой краской, а прежняя, штурманская, нашивка Словко блестела с золотыми ткаными полосками.

Ольга Шагалова (командир «Тома Сойера») бесцеремонно сунулась мимо Аиды в ящик и отыскала остаток дефицитной, из золотистых ниток, ленты. У Словко под двумя штурманскими угольниками на шевроне было еще свободное место – сантиметра полтора. Ольга велела ему снять рубашку и принялась тонкими стежками рукодельницы пришивать к черному сукну третий угольник. А остальные хлопали Словко по коричневым костлявым плечам и высказывались в том смысле, что «растут люди», «скоро и во флагманы» и «кой с кого фуришет на палубе фрегата, с шампанским и ананасами». Словко скромно посапывал. А когда надел рубашку, показалось, что левый рукав заметно отяжелел (от невесомой-то полосочки!). Словко незаметно ускользнул в туалет и там от души полюбовался в зеркале капитанским знаком отличия.

Правда, шестиугольный вензель над якорем был по-прежнему из узенькой ленты, матросский, поскольку официальных прав капитан Словутский еще не имел (редкое, кстати, явление – без корочек рулевого, а уже капитан!). Но Кинтель сказал верно: корочки – дело недалекого будущего...

Теперь, на улице, Словко смотрел на солнечную щель, заново ощущая радость своего капитанства. Но... долго смотреть – это как бы хвалиться перед собой. Тем более, что на взгорке, на фоне солнечного проблеска и подсвеченных облаков, возник силуэт мелкого пацаненка. (Догадается еще, что хвастаюсь перед собой! Господи, а как догадается? Но все равно, пора домой...)

Словко сделал пару торопливы шагов и услышал:
– Эй!..

2

В этом «эй» не было ни дерзости, ни нахальства. Наоборот, нерешительность. Наверно, окликнувший просто не знал, как обратиться к длинноногому мальчишке в берете набекрень. Тому, небось, уже лет двенадцать, и говорить такому «мальчик» или «пацан» как-то не с руки, если сам выглядишь первокласником. А именно так и выглядел тот, кто позвал Словко.

Позвал и... попятился, когда Словко сделал к нему несколько шагов и спросил: «Чего тебе, человек?» «Человек», наверно, звал без особой надежды и ждал, что скорее всего большой мальчишка скажет: «Пошел ты на фиг...»

И вот попятился. И замер.

Словко подошел. Нет, пацаненок был не первоклассник, чуть постарше. Теперь он уже не казался силуэтом. В желтом свете заката искрилась его голова – светлые волосы были короткие и на темени торчали жесткими гребешками. Он был в обвисшем рыжем свитере, из-под которого торчали короткие мятые штаны и ноги в широких резиновых сапожках мутно-апельсинового, как и свитер, цвета. Приоткрытый рот, нос – кукольный валенок, желтые точки в немигающих глазах. А смотрел он... нет, не со страхом. Просто с ожиданием.

– Ну, чего ты хотел? – спросил Словко осторожно, чтобы пацаненок не включил опять задний ход. – Что-то случилось?

– Нет... – выдохнул пацаненок. – То есть да... Помогите мне... пожалуйста.

«Кажется, влипаем в историю», сказали Словко его чуткие нервы. А сам он сказал небрежным тоном:

– Ну, объясняй.

– Там колесо... – мальчишка быстро глянул через плечо. – Тяжеленное такое. Его надо поднять и укатить. Я один не могу...

«Всего-то...», – подумал Словко. Мысль о том, чтобы послать наивного малька подальше не появилась даже в виде легкой тени. Тем более, что на душе все еще теплым зайчиком копошилась «капитанская радость». «А без нее ты прошел бы мимо?» – сунулся сквозь пространство невидимый, но все видящий, слышащий и понимающий Жек. Словко мысленно показал ему язык. И вздохнул:

– Ну, веди...

И они пошли. По Гаванскому переулку. Хозяин колеса торопился впереди (сапожки обрадованно хлопали его по ногам). Переулок был древний, с домишками и перекошенными заборами. Через квартал мальчик остановился и выдохнул:

– Вот... Тут...

У забора возвышалась мусорная куча. Видимо, тоже древняя, поскольку поросла (вернее, проросла насквозь) мелкими кленами и репейником. («И крапивой, черт возьми», – отметил одетый в шорты Словко).

– Да где колесо-то?

– С той стороны... – Пацаненок быстро обошел «заросший курган». Словко – следом. На внутреннем склоне кучи, напротив забора, подмяв сорняки, лежало...

– Ну, ничего себе колесико!

Словко-то думал, что оно будет от грузовика или телеги. Поднатужиться, поднять – и поехали! А это было... даже и не колесо в прямом смысле. Скорее всего – ворот от старинного колодца. Ростом со Словко. Обод – как согнутая в кольцо балка. Вместо спиц – могучие брусья. Они расходились от ступицы (размером с ведро) не лучами, а двойным крестом. Два бруса шли параллельно, а еще два были наложены на них поперек. А концы их врезались в обод с

внутренней стороны. От колеса пахло древесной плесенью. И ржавчиной – поскольку к ободу сбоку было прибито плоское железное кольцо, а из ступицы торчала трубчатая ось.

– Где ты раскопал этот экспонат? – сумрачно поинтересовался Словко.

– Он тут и лежал... – прошептал пацаненок.

– Понятно...

Мальчишка сказал все тем же грустным шепотом:

– Я его пробовал поднять. И даже чуть-чуть получилось, но потом оно упало на меня.

Еле выбрался...

– Хорошо, что жив остался...

– Ага, – согласился пацаненок и вытер ладони о свитер.

Словко взялся за могучий обод, поднапрягся. Ого!.. И как этот цыпленок ухитрился приподнять такую тяжесть? У Словко «затрещали в брюхе на риф-сезнях все узлы». И тут же появилось понимание: «Я сделал все, что мог». С чистой совестью можно было сказать: «Извини, дорогой мой, это работа для слона. Собирай где-нибудь бригаду, а у меня куча других дел...»

Мальчишка посапывал рядом и смотрел с печальным пониманием. Что-то такое он и ожидал услышать.

Словко выпрямился, потрогал (несколько картинно) поясицу, задрал ветровку и отцепил от пояса мобильник. Та-ак... Кто тут живет ближе всех?

Для начала он вывел на дисплей позывной «Несс». Близнецы откликнулись сразу (Ксения или Игорь, не поймешь – голоса одинаковые).

– Нессоновы, это Словко! Я в Гаванском переулке, на пути к реке. В квартале от Кочегаров. Ребята, «Мэйдей»...

– Ага, – сказал Нессонов (или Нессонова). – Ждем...

Затем Словко вызвал Кирилла Инакова. Сообщил то же самое. Кирилл оказался многословнее Нессоновых, он спросил:

– Сколько их там? – Видимо, вообразил несчастного Словко, окруженного злодеями.

– Да не то! Просто надо выручить одного человека!

Было слышно, как Инаков завопил в пространство: «Ма-а, мне некогда, вызывают по срочному!...»

Оставалось ждать.

– Это недолго, – снисходительно объяснил Словко притихшему рядом «цыпленку». Тот смотрел с недоверчивой надеждой. Что-то, видимо, уже понял, но, конечно, не все.

Словко спросил:

– А зачем тебе это колесо?

Мальчишка, видимо, ждал такого вопроса. Ответил со вздохом:

– Я и сам не знаю. Только очень надо, чтобы оно вертелось...

– Ну, понятно, – кивнул Словко. Было вовсе не понятно, где и как должна вертеться эта машина, однако уточнять Словко не стал. Иначе получилось бы, что он выпытывает тайну в обмен на обещанную помощь... Чтобы встретить ребят, он вышел из-за кучи.

Примчались взмыленные Нессоновы. Смуглые, белозубые, в одинаковых спортивных костюмах – не поймешь, где брат, где сестра.

– Вот мы... А где «Мэйдей»?

Словко не успел ответить: вспарывая велосипедом лужи подлетел Кирилл.

– Что случилось-то? «СОС» по всем морям!

– Пошли... – Словко завел Кирилла и близнецов за «курган». – Вот человек. Вот его колесо. Оно для него совершенно неподъемное. А надо его куда-то откатить. Он скажет куда...

Кирилл запыхтел. Повертел шеей в ворота просторного (как у пацаненка) свитера.

– Мальчик спятил... Я про тебя, Словко! «Мэйдей» сигналится, когда реальная угроза для жизни людей, а ты... Шуточки...

Словко был готов к таким упрекам. И сказал, что не шуточки.

– Этот человек пытался управиться с колесом один. И будет продолжать, если не помочь. А его один раз уже придавило. По-вашему, не угроза?

Кирилл попыхтел еще, но больше не возражал. Судя по всему, пересмотрел свою точку зрения.

– Чего спорить-то? – рассудил Игорь. – Взяли да покатали, поскорее. Мы голодные. А дома пирог с горбушей...

И они «взяли». То есть уцепились за обод. Колесо осознало, что спорить с пятью дружными работниками нет смысла. Оно как бы вздохнуло, посильней запахло плесенью и нехотя встало на ребро. Посыпались крошки и сухие листики.

На колесо налегли – кто уперся в обод, кто в торчащую с двух сторон ось-трубу, кто в спицы-бруссы. Выкатили из-за кучи. Действовали слаженно.. Только хозяин колеса тыкался то туда, то сюда, не умея найти себе место.

– Ты... – начал Кирилл и, кажется, чуть не сказал «не путайся под ногами», но вовремя перестроился: – Ты лучше топай впереди с велосипедом и показывай, куда катить... это чудовище...

– Это недалеко! – Пацаненок ухватил велосипед за руль и обрадованно зашагал в сторону реки (сапожки хлоп-хлоп). И все время оглядывался. Наверно, он еще не совсем поверил в случившееся. В эту чудом явившуюся подмогу! Ни о чем таком он, конечно, в своей жизни не слышал, ничего подобного не видел. (Разве что в фильме про Тимура, но едва ли он смотрел это старинное кино.)

Еще раз оглянувшись, мальчик свернул в проход между заборами. Там тянулась в чаще сорняков тропинка. С заметным подъемом, между прочим. Пришлось подналечь. Кривой дощатый коридор наполнился сопеньем, кряхтеньем и треском сухих стеблей. И поминанием всякой морской нечисти. Но длилось это недолго. Слева в заборе обнаружилась широкая дыра, в которую, по словам проводника, и требовалось протащить колесо. Протащили. Правда, Кирилл сказал, что это «колесо моей несчастной судьбы, у меня сместились позвонки и я навеки буду инвалидом».

Зато оказалось, что уже пришли.

Здесь было узкое пространство. С одной стороны высокая кирпичная стена (видимо, брандмауэр снесенного дома), с другой тоже стена, только из старых, пахнувших сыростью бревен. Ширина – метра полтора.

– Ну – и? – сказал Кирилл, привыкший все доводить до конца.

– Надо теперь его поднять. Вон туда... – нерешительно объяснил хозяин колеса. Наверно, опасался: не слишком ли многого он требует от великодушных помощников?

Над головой еще светилось небо, но здесь густели сумерки (и стоял запах остывших лопухов, и лопухи эти лизали ноги влажными шершавыми языками, и было таинственно, как на задворках средневекового замка). В сумерках, однако, можно еще было разглядеть, что по кирпичной стене в метре от земли тянется выступ. На выступе лежал обрезок доски. А в полу-метре от стены торчало из лопухов тонкое бревно метровой высоты. Ясно, что было врыто специально (готовил место малец!).

Теперь надо было приподнять колесо и положить ось одним концом на доску, другим на срез бревна. Поднатужились с двух сторон – все, кроме Ксени, которую Игорь не пустил (не женское дело). Ухнули, закряхтели, подняли. Положили. Колесо медленно поворачивалось, шелестело ободом в лопухах. Пацаненок повис на ободке, потянул вниз. Колесо нехотя завертелось.

– Ось при вращении быстро съедет с подпорок, – сказал Кирилл. – И раздавит человека.

– Не съедет! Я с двух сторон во-от такие гвозди вколочу, – быстро объяснил мальчишка и развел перед собой ладони. Он словно боялся, что ему не поверят и снимут колесо.

– Вколотить надо сразу, – решил деловитый Кирилл. – Один не справишься.

– Да! Хорошо! Я сейчас!.. – Мальчишка нырнул в репейную чащу и тут же вернулся с пучком гвоздей-костылей и могучим молотком.

Кирилл покрутил головой. Углядел, несмотря на сумрак, в бревенчатой стене широкую щель. Взялся за велосипед, который вслед за колесом втащил сюда «проводник». Приподнял, всунул в щель рукоятку руля. Старенькая складная «Кама» оказалась поставленной на дыбы. Кирилл щелкнул динамкой, повернул фонарик, завертел переднее колесо. Широкий световой конус рассек сумерки, разом преобразил все вокруг.

– Ребята, повертите. А мы с... «человеком» вобьем штыри... Ты держи, а я буду бить.

Вертеть взялась Ксения. Радостно вздыхающий хозяин колеса-великана встал у бревна с гвоздями в ладонях, Кирилл поставил один гвоздь у оси, нацелился молотком. И... не ударил.

– Не, ребята, что-то здесь не так. Если оно и будет вращаться, то с великим скрипом...

– Ну и ладно. Пускай хоть как... – умоляющим шепотом попросил мальчик.

– Хоть как – это не дело. А всякое дело надо делать умело... Народ, вот что. Подождите десять минут, я кое-что привезу. – Кирилл ухватил велосипед и без дальнейших слов оставил друзей в сумраке и неизвестности.

– А куда он?.. – опасливо спросил мальчик.

– Через десять минут узнаем. Кирилл ничего не делает зря, – утешил Словко хозяина колеса.

Помолчали (а колесо поскрипывало, качаясь). Игорь спросил у мальчика:

– А зачем тебе это сооружение?

– Чтобы вертелось. Он ведь уже объяснял, – ответил за притихшего пацаненка Словко.

– Это он тебе объяснял, а мы-то не слышали, – сказала Ксения. – Зачем чтобы оно вертелось?

– Ну, я и сам не понимаю, – на полувздохе выговорил мальчик. – Не знаю, как объяснить... А зачем Земля вертится?

Вот это был ответ! Ни Словко, ни близнецы не нашли, что сказать на такие слова. А мальчик умно подышал рядышком и вдруг признался:

– Я буду приходить сюда и раскручивать его...

– И тогда... что? – негромко спросил Игорь.

Было заметно, что мальчик пожал плечами:

– Тогда... не знаю. Будет лучше...

– Лучше жить? – осторожно уточнила Ксения.

– Ну... да...

– А ты не боишься, что эту штуку кто-нибудь тут найдет и разломает? – вдруг обеспокоился Словко. – Всекие бывают люди...

– Про это место никто не знает, – охотно отозвался хозяин колеса. – И это же... почти наш двор. Вот в этом доме мы живем... – Он дотянулся, хлопнул по бревенчатой стене. – Это задняя сторона. А с других сторон окна...

– И... много вас, жильцов, в этом доме? – как бы между делом спросила Ксения. Словко почувствовал: *этот* разговор уже неспроста.

– Я и мама...

– Двое на целый дом? – старательно удивилась Ксения.

– Ой, нет... еще бабушка. Только она старенькая.

– Бабушке и полагается быть старенькой, – рассудила Ксения. – Что здесь такого?

– Ну... да. Только бывают бабушки, которые нянчатся с внуками по-всякому, еду готовят, уроки проверяют, а нашей уже не до того. Потому что она даже не бабушка, а прабабушка.

Бабушка отца. Он, когда развелся и уехал куда-то, оставил ее нам... Она хорошая, только часто забывает про все...

Такую длинную речь мальчишка произнес впервые. Видимо, решил, что не стоит скрывать семейные дела от тех, кто так по-хорошему пришел к нему на помощь. И ясно было, что жизнь у него непростая...

Опять помолчали. Словко глянул на светящийся дисплей мобильного. Была половина девятого. Мобильник будто ждал этого взгляда – испустил длинную трель, сигнал «Подъем флага». Звонила мама. Хотела знать, «где это морские ветры носят моего ненаглядного капитана?» Смотрите-ка, откуда-то уже узнала про его капитанство! Небось, Корнейч звякнул, порадовал ветераншу «Эспады».

– Мама, здесь не ветры! Неожиданная работа! Мы укрепляем на оси скрипучее колесо судьбы!

Мама сказала, что его, Словкина, судьба станет безрадостной, если он будет где-то болтаться до полуночи.

Словко поклялся вернуться раньше.

Приехал Кирилл.

3

К багажнику «Камы» было что-то приторочено: то ли большие гантели, то ли маленькая штанга. Оказалось – два большущих кольцевых подшипника на трубчатой, как у колеса, оси.

– Это когда-то в прошлом веке отец и его брат, мой дядюшка Сеня, делали специальную тележку. Чтобы гонять со свистом по Комаровскому спуску. Была в их времена такая забава...

Он опять засунул в щель велосипедный руль и наладил освещение (сказал голосом Остапа Бендера: «Вертите, Ксения, вертите», за что был назван бессовестным эксплуататором). При ожившем фонарике все увидели, что привез Кирилл «самое что надо». Подшипники были не ржавые, вертелись прекрасно. На оси они сидели плотно, однако при усилии можно было снять. И ось оказалась в точности того же диаметра, что у колеса (случаются порой счастливые совпадения!).

– Только получится ли вытащить старую ось? – усомнился Словко. Хозяин колеса радостно уверил всех, что «конечно же получится!» Когда колесо сняли, он молотком собственноручно выколотил трубу из ступицы. А Кирилл в широком свете фонарика («Вертите, Ксения, вертите») вбил новую ось и насадил на ее концы подшипники. Металл грохал, вызывая опасение: не появится ли кто-нибудь любопытный и посторонний. Никто не появился. В наступившей тишине колесо опять приподняли и подшипники утвердили на доске и на торце бревна. Хотя какое там утвердили! Крутнешь – и железные кольца с шариками поедут со своих мест. Чтобы такого не случилось, Кирилл с двух краев каждого подшипника старательно вколотил граненые гвозди-костыли: заключил стальные кольца в зажимы.

– Ну вот, – подвел он итог со скромной гордостью знающего себе цену мастера. – Можно запускать...

– Ура... – прошептал маленький хозяин колеса. Опять вцепился в обод, потянул вниз. Колесо повернулось легко, плавно завертелось. Кирилл и Словко помогли мальчику раскрутить его быстрее. Еще быстрее... Деревянная махина зашуршала в пространстве, зашелестела в лопухах нижним краем. Спицы-брусья размазались в воздухе. И все это – в луче фонарика, поскольку Ксения продолжала «работать турбиной» (кажется, ей это понравилось).

Колесо чуть заметно вздрагивало.

– Кажется, эксцентрик... – озабоченно проговорил Кирилл.

– Что? – встревожился мальчик.

– Сбой во вращении. Чуть-чуть...

– Ну и пусть! Это... наверно, так и надо. От этого... дополнительная сила...

Никто не понял, что за сила от неравномерности вращения. Поняли только: мальчик не хочет, чтобы здесь что-то меняли и регулировали. Ладно, его дело...

– Ну вот... – сказал Кирилл мальчишке снова. – Теперь приходи и верти сколько хочешь. Когда будет настроение...

Тот помолчал и отозвался тихонько:

– Да... А вы тоже приходите и вертите... если захочется. Только не рассказывайте другим...

– Никогда в жизни, – очень серьезно пообещал Словко. – Всё между нами...

Мальчик переводил глаза с одного на другого. Может быть, ему жаль было расставаться? Или он хотел что-то спросить, но не решался?

Словко посмотрел на Кирилла, на Игоря, на Ксению. И они поняли, с какой мыслью он посмотрел. Ксения на пару секунд оторвалась от велосипедного колеса и первая подняла на уровень груди ладони, быстро сцепила пальцы. И тогда Игорь сделал так же, и Кирилл. И Словко... Этот жест – непонятный для посторонних (и мало заметный), означал для тех, кто в «Эспаде», многое: «Наш человек...»

«Наш человек в Гаване», – мелькнуло у Словко в памяти название какой-то книжки (которую он, вроде бы даже и не читал). – «Наш человек в Гаванском»...

Да, безусловно, он был «наш», этот пацаненок, раскрутивший тяжелое колесо по той же причине, по которой вертится Земля. И Словко знал, как теперь лучше всего поступить. Он, вроде бы случайно, шагнул в середину луча и стянул ветровку – ну, будто искал что-то во внутренних карманах. Выпрямился. И как бы увидел себя со стороны, глазами мальчишки. Полыхнула оранжевым огнем рубашка, засверкали золотые якорьки и шевроны, серебристым сиянием засветился капроновый плетеный аксельбант, заискрились латунные пуговицы...

Прошло несколько секунд. И наконец хозяин колеса сделал прерывистый вдох и сбивчиво спросил:

– Вы... кто?

– Мы – парусная флотилия. Иначе говоря, отряд «Эспада», – сообщил сверкающий Словко.

Мальчик помолчал. И сказал задумчиво:

– Хорошо вам...

– Почему хорошо? – спросил Игорь.

– Потому что парусная... и вообще...

В это «вообще» он, видимо, включил многое – то, что чувствовал в незнакомых ребятах, но о чем не умел или стеснялся сказать.

И тогда Ксения (которая продолжала работать турбиной) задала наконец главный вопрос:

– Хочешь к нам?

Мальчик отозвался сразу, уверенно и спокойно, словно перед этим долго обдумывал ответ:

– Да. Я очень хочу.

Дальше все пошло по заведенному обычаю. Один за другим назвали себя:

– Я – Игорь...

– Я – Словко. Имей в виду: не Славка, а Словко... – («Ага, я буду иметь в виду...», – поняливо отозвался мальчик).

– Я – Кирилл...

– Я – Ксения... – сообщила от фонарика вертящая динамку девочка. – А ты кто?

И тогда он сморщился, будто тронул языком больной зуб:

– Ох... у меня такое дурацкое имя...

– Дурацких имен не бывает, – строго возразил Словко, натягивая курточку.

– Бывает. Оно такое... несовременное. Отцу пришло в голову, чтобы я назывался Прохор. В честь какого-то его друга... Сам придумал, а сам потом... – Ну, чуть ли не слезинка дрогнула в горле мальчишки.

– Да ты что? Хорошее имя, – увесисто сказал Кирилл.

– Ага, «хорошее». Только и слышишь везде... и в школе, и на улице, и в лагере... «Прошка – окрошка, гнилая поварешка»... Или еще хуже.

– Это хоть с кем бывает. Про меня вот пели: «Кирилл – деда с бабкой уморил»...

Мальчик Прохор со слабой улыбкой глянул на рослого уверенного Кирилла. Мол, про тебя скажи такое...

– Но если имя не нравится, можно придумать новое, – сказала Ксения и сильнее крутнула динамку. – У нас это просто...

Прохор смотрел недоверчиво и... с ожиданием. Будто надеялся, что новое имя ему тут же поднесут, как на блюдечке.

– Хочешь быть Рыжиком? – вдруг спросила Ксения.

Он заморгал. Не ожидал такого.

– Но ведь... я же... – он тронул свой искрящийся светлый ежик.

– Ну да, волосы не рыжие, – покивала Ксения. – Зато свитер совсем рыжий. И сапоги... А то, что прическа русая, ну так что? Так даже интереснее.

– И вообще имя Рыжик славное такое, – поддержал Слово Ксению. Он чуть не выразился «ласковое», но побоялся смутить Прохора. – И даже книжка есть с таким названием...

– Да, я читал, – вдруг кивнул Прохор. – Про старинного мальчику...

«Надо же, еще и читатель!» – изумился про себя Слово.

– Вот видишь! Не отказывайся, – вступил в разговор Игорь.

Кажется, всем хотелось, чтобы новичка звали именно Рыжиком. Потому что и Кирилл сказал:

– Когда говорят «Рыжик», сразу видно, что это хороший человек. Соглашайся...

И Прохор заулыбался:

– Ладно, я... соглашаюсь. Пусть буду Рыжик.

А тяжелое колесо все вертелось, послушное закону инерции...

Он пошел проводить новых друзей. Хлопая сапожками, шагал с ребятами до улицы Кочегаров. После сумрачного убежища оказалось, что на улице еще не совсем темно (дни пока были длиннее ночи – до осеннего равноденствия оставалась целая неделя). По дороге Рыжику (теперь уже – «Рыжику» навсегда) объяснили, куда и к какому часу завтра, в воскресенье, придти в отряд.

– Улицу Профсоюзную знаешь? Это недалеко, за мостиком. Зеленый трехэтажный дом, номер девять. Над дверью вывеска...

На перекрестке каждый пожал Рыжику руку. (И наверно, это были первые в его жизни рукопожатия; кажется, он даже не сразу поверил, что они всерьез. Но поверил.) Когда Рыжик уходил, он часто оглядывался и один раз нерешительно помахал рукой. Все разом помахали ему в ответ.

– Свой человек в Гаванском... – проговорил Слово теперь уже вслух. У него не спросили объяснений. То ли тоже слышали про такую книжку, то ли все было ясно и так.

– Спорить могу, человек пошел не домой, а снова раскручивать колесо, – сказала Ксения.

– Ну так что же... – откликнулся Игорь

– Все же непонятно, зачем ему этот агрегат, – заметил Кирилл. – Ясно, что *очень* «зачем-то», а вот знать бы...

Ксения сказала:

– Он объяснял, когда ты ездил. «Чтобы вертелось».

– Тогда ясно... – не стал спорить покладистый Кирилл.

– Может быть, у него философия такая, – поделился догадкой Словко. – Вроде как у буддистов. Говорят, у них в храмах есть специальные вертящиеся барабаны. Покрутишь такой барабан и вроде как помолился, жить легче...

– Понятно, – опять согласился Кирилл и забеспокоился о другом: – Аида, наверно упрется рогами: как это новичок без вступительного взноса? А где он возьмет взнос? Прабабушкину пенсию, что ли?

– Скажем Корнеичу, он ее прижмет, – решил Словко. – Аиду то есть...

– Как Аида с Феликсом сумели протащить на сборе эту бредятину насчет взносов? – вдруг досадливо взвинтился Игорь. – Ни один из барабанщиков за это не голосовал, а большинство все равно...

– Охмурили ребят, – согласился Кирилл с командиром барабанщиков Нессоновым.

– Охмурять они умеют... – буркнул Словко.

– Ну, давайте ваши лапы, я поехал, – сказал Кирилл. Попрощался и укатил.

– Словко, пошли к нам, – позвала Ксения. – У нас пирог с горбушей.

– Пирог – это хорошо. Но мне уже пиликали из дома...

Тогда с ним распрощались и близнецы. Словко смотрел им вслед. Хорошие люди. Словкины ровесники. Даже чуть постарше, хотя и поменьше ростом. Характером слегка (а может, и не слегка) похожие на Жека. Не капитаны еще и не командиры судов, потому что опыта у них не в пример меньше Словкиного, зато матросы его экипажа. И барабанщики. А он, Словко, из барабанщиков уже «брысь». Кто виноват, что вдруг сделался выше Нессоновых чуть не на голову! Сказали на сборе «пора, брат, пора». Оставили в утешение аксельбант и нашивку барабанщика-ветерана, перевели в ассистенты знаменной группы, а барабан он передал на линейке маленькому Сережке Гольденбауму. Чуть слезу не пустил тогда...

Словко зашагал по улице Кочегаров, поглядывая на небо. Над головой оно было уже темно-синее, дрожали первые звезды. Одна – желтая и лучистая – напомнила крохотный фонарик в руке бронзового мальчика. Эта старинная статуэтка служила в «Эспаде» переходящим призом ежегодных парусных гонок. Получал ее рулевой яхты-чемпиона. Правда, ему домой давали мальчика с фонариком лишь на неделю. Потом он стоял на почетном месте в кают-компании, под большим снимком победившего экипажа.

Словко ни разу еще не был победителем – ни тогда, когда ходил матросом, ни в должности рулевого. Вторые места бывали, да. Ну, может быть, еще повезет и с первым...

Желтая звезда вздрагивала, и Словко вдруг показалось, что ритм ее дрожания тот же, что у колеса Рыжика, когда оно вертелось с чуть заметной неравномерностью. Но это была не отчетливая мысль, а просто ощущение. Вернее одно из ощущений в конце длинного хорошего дня...

Первая часть Талисман

Пламя на мысу

1

В первую пятницу июля «Эспада» прощалась со своей самой заслуженной яхтой. С «Томом Сойером». А что было делать?.. Во время недавнего шторма «Томика» с оборванным рулем и развороченным швертовым колодцем бросило на камни у Каменного острова («острова Шаман», как говорили в отряде). Скальные обломки пробили обшивку в нескольких местах, и видно стало, что фанера гнилая, разбухшая, разлезающаяся слоями. И не заменишь такую, потому что в рыхлых стрингерах и шпангоутах шурупы держаться не станут...

Моторка притащила «Томика» на базу. И собрание капитанов и рулевых решило: отходил свое бедняга. Жаль, а куда деваться? Для яхточки, скроенной из обычной фанеры, двенадцать лет – старческий возраст. «Томик» и так пережил многих своих собратьев, построенных позже, а сожженных раньше.

«Том Сойер» был первым среди эспадовских яхт класса «Марк Твен». Этот проект разработал Даниил Корнеевич Вострецов. От «великой ностальгии», как он сам говорил. Однажды Корнеич (в ту пору молодой еще) загремел в госпиталь ветеранов из-за своей ампутированной ноги, а вернее из-за протеза. Сам протез, естественно, не болел (ему-то что!), но он, тяжелый и неуклюжий, натирал и уродовал культю, вызывая всякие воспаления. Корнеича «засадили» в хирургическое отделение, и там он отчаянно заскучал – по жене, по маленькому Ромке и по своему отряду, который в то время вернул себе прежнее гордое имя «Эспада». Чтобы не маяться целыми днями «в тоске и тревоге», Корнеич потребовал себе листы миллиметровки. Тем боле, что все равно необходимо было думать о новых судах. Отрядная шхуна «Тремолино» давно обветшала, шлюпка тоже текла и разваливалась.

«Не боги горшки обжигают», – сказал окружающим и себе музейный сотрудник и журналист Вострецов.

Раньше он горшков не обжигал. То есть не было у него никакого корабельно-конструкторского опыта. Правда, строил когда-то с ребятами крохотное фанерное суденышко «Тремолино», однако чертежи готовил не он, а прежний командир «Эспад» Саша Медведев. Была у Корнеича только интуиция парусника, знающего, *что* нужно яхте для быстрого и безопасного хождения. Он обложился книжками с проектами любительских судов и начал «в муках порождать» собственную конструкцию маленького бермудского шлюпа. Такого, чтобы и устойчивый был, и бегал резво, и воды не набирал, если, не дай Бог, перевернется. И чтобы строить его было не сложно, потому что работать-то придется ребятам от восьми до четырнадцати годков...

Они хорошо поработали, эспадовские матросы и капитаны той поры. «Том Сойер» оказался той яхточкой, о которой мечталось. Он брал на борт экипаж из четырех ребят, обгонял «Кадеты» фабричной постройки из юношеской секции «Металлист», и не переворачивался при самом свежем ветре (если, конечно, не разевать рот). Ну а перевернется, так что? Водонепроницаемые отсеки держат корпус на плаву. Не ударяйся в панику, прыгай на шверт, тяни борт на себя – и вот уже шестиметровая мачта с мокрым парусом снова торчит вертикально...

«Том Сойер» положил начало серии «марктовеновских» швертботов. Через год, после большого строительного бума, спущены были на воду «Гек Финн», «Джим», «Бекки Тэччер»,

«Джо Гарпер»... Кто-то предлагал даже название «Индеец Джо», но большинство его отвергло – уж больно неприятная личность. Зато появилась «Тетя Полли», хотя название это было принято не без полемики. Затем еще – «Миссисипи», «Сент-Питерсборо», а за ними «Том Кенти» (из «Принца и нищего»).

Потом названия менялись на другие, уже не «марктвеновские». Обветшавшие яхты уходили на слом, вместо них строились другие, а давать старые имена новым судам в «Эспаде» было не принято.

Возникли «Барабанщик» и «Тимур», «Гаврош» и «Буратино», «Динка» и «Оливер Твист»... А вот для «Гарри Поттера» места не нашлось. Никто не спорил – книжка интересная, только... ну, вот почему-то не вставало это имя в дружный корабельный ряд...

Кроме «марктвенов» пять лет назад построили два более крупных судна. Похожих на легендарную шхуну «Тремолино». Только передняя мачта у них была больше задней, а борта повыше и корпус пошире. То есть это были вместительные и надежные бермудские кечи – очень удобные для дальних походов...

Одно время начали возникать сложности с правами командиров. Площадь парусности на яхтах «Эспады» значительно превосходила ту, что была у детских «Оптимистов» и «Кадетов». Там-то для вождения хватало удостоверений «юного рулевого», а эти непонятные «марктвены»... Однако начальство морской школы РОСТО, где теперь базировалась «Эспада», смотрела на «оранжевых магелланов» с явной симпатией («Это наша смена!»), а излишне придирчивым водным инспекторам всегда можно было сказать: «Дети проходят курс обучения, видите, их сопровождает моторка с инструктором»... Год назад начальником школы стал Дмитрий Олегович Соломин – давний выпускник «Эспады», а ныне – каперанг Российского флота. Он провел немало лет на подводных лодках и теперь был отправлен в Преображенск, на берега Орловского озера, «дослуживать до пенсии» (так, по крайней мере, звучала официальная версия).

Начальник этот (бывший Димка Соломин и давний друг Корнеича), исходя из мореходного опыта «Эспады» и здоровой флотской логики, рассуждал так. Двенадцать лет, мол, это все равно, что тринадцать («По себе помню»), а тринадцать – это, значит, четырнадцатый год; «четырнадцатый» же – почти то же самое, что «четырнадцать». И подписывал испытанным двенадцатилетним командирам «Гаврошей» и «Хоббитов» удостоверения с нужным размером парусности.

Таким образом Словко в конце октября прошлого года сменил узкий матросский вензель на полноправный капитанский...

Сегодня каперанг Соломин был здесь же, в месте с «Эспадой».

С «Томика» была снята мачта и все металлические вещи – пригодятся для новых яхт. Мало того, на скулах были вырублены куски обшивки с названием. Один – для отрядного музея, другой... Его попросила хорошая знакомая инструктора Кинтеля, Маринка. Потому что в начале девяностых она – Маринка Орехова (отрядный «лекарь, пекарь и аптекарь») – была рулевым «Тома Сойера». Правда, не первым рулевым. Первым был Юрий Завалишин, а потом – Кинтель (то есть Даня Рафалов). Но Завалишин скоро уехал в Саратов, а Кинтеля очередной раз дед-медик устроил в больницу – подлечить немалые травмы, которые тот заработал, когда защищал от разгрома двухэтажный особняк, будущий штаб «Эспады» (правда, не защитил, дом сгорел, но это уже отдельная история). Тогда-то Маринка и «перехватила румпель».

На базу Маринка сегодня не поехала. Во-первых, работа, а во-вторых... «Я там разревусь, как белуга...»

А сейчас ревела Ольга Шагалова, нынешний командир «Тома Сойера». Ну, то есть не ревела, конечно, а хлюпала носом. Никто ее не осуждал. Даже не стали включать ее в список рулевых для жеребьевки (кому выпадет печальная задача – поджечь «Томика»). Выпало

Шурику Завьялову, командиру «Хоббита» – всегда серьезному, даже насупленному человеку. Шурик насупился еще больше, будто его обидели, но спорить, конечно, не стал.

Собрались на плоском мысу, у которого всегда швартовались яхты «Эспады». Мыс вдавался в озеро на полсотни метров и был похож на притопленный авианосец. По двум сторонам его тянулись причалы, а на середине стояла железная мачта, на ней трепетал под гафелем оранжевый флаг флотилии. А на дальнем конце была костровая площадка. Там и поставили «Томика» – на двух бетонных балках, как на кильблоках. Его обшарпанный белый корпус теперь казался чисто-белым, просто снежным. Только большие пробоины на скулах чернели мертво, будто пустые глазницы. В кокпит набросали хвороста и сухого тростника, полили эту начинку и палубу бензином. У кормы тоже положили сухое топливо. От него нахмуренный Кинтель протянул на десяток метров бензиновую дорожку.

День был яркий, полный синевы, но прохладный – с норда тянул ровный зябкий ветерок, морщил воду, нагибал траву, охлаждал ноги. Встали в две шеренги, по обе стороны корпуса, а семь барабанщиков – поперек, будто переключина у буквы П, спиной к окончанию мыса. Ольга опять захлопала носом. И утирала глаза плюшевым котенком Питером – это был талисман «Томика». Два ее матроса – конопатый Вовчик Некрасов и длинный лохматый (без берета почему-то) Костя Ковтун смотрели хмуро и сосредоточенно. Третий матрос, Рыжик, отсутствовал (что было дополнительным печальным обстоятельством). Корнейч, Кинтель и каперанг Соломин подошли ближе к корпусу, внутрь «буквы П». Аиды и ее супруга Феликса Борисыча, официального руководителя «Эспады», не было. «Ну и правильно. Морское дело – не их дело», – подумал Словко.

– Ладно, ребята, – скованно сказал Корнейч. – Долгие проводы – лишние слезы, длинные речи ни к чему. Все мы знаем, чем для нас был наш «Томика». Будем его помнить... Шурик, давай...

В руке Шурика Завьялова уже был факел – намотанная на сук и пропитанная соляркой тряпка. Она горела дымным пламенем. Шурик, сутулясь, подошел к началу запальной дорожки, ткнул в нее факелом. Огонь сразу вздыбился желтым гребнем, побежал к яхте. Шурик бросил факел ему вслед и, не оглядываясь, пошел на свое место в строю.

Пламя взметнулось у кормы спиральным вихрем, замерло на миг и бросилось на палубу, на борта. За несколько секунд охватило весь корпус. Словко краем глаза увидел, как на мачте поехал вниз и замер на половине высоты флаг. И в этот миг ударили барабаны.

Вскинулись в салюте исцарапанные загорелые руки. Каперанг Соломин взял под козырек.

Барабанщики играли «Марш-атаку», но в каждой сигнальной фразе пропускали по два такта, от этого ритм делался редким, печальным. Получался «Марш-прощание». А в промежутках между размеренными «р-рах...», «р-рах...» сыпалась в тишину негромкая дробь ведущего барабанщика. Если не вникать, не знать что к чему, то она, эта дробь, казалась беспорядочной, сбивчивой, лишенной ритма. Но люди «Эспады» понимали, что Сережка Гольденбаум выговаривает своими палочками какие-то слова. Какие? Это всегда было тайной ведущих барабанщиков. В такие вот важные минуты они сочиняли «внутри себя» какую-нибудь речь и переводили ее на язык барабана. Вплетали в промежутки маршевых ударов. Лучше всего это получалось у Рыжика, но... Впрочем, и у Сережки получалось неплохо.

Что выстукивали Сережкины палочки по тугой коже высокого барабана? Может быть, вот это?

«...Ты долго ходил под нашим флагом... Некоторых из нас еще не было на свете, а ты уже бегал по этому озеру. Ты многих научил любить ветер и паруса... Ты был нашим другом... Теперь ты в огненном вихре улетаешь туда, где вечное море. Вечные паруса. Вечные ласковые облака и плавные волны... Прощай. Доброго тебе ветра. Мы не забудем тебя...»

Мог ли десятилетний Сережка придумать такие фразы? Ну, а почему бы и нет? Он был начитанный человек, любил стихи, как и Словоко... Но скорее всего именно у Словоко появлялись в голове такие слова.

А еще появились строчки:

Стартуешь на каменной полосе,
И нынче твой парус – пламя.
Навеки ты памятен будешь всем.
Всей «Эспаде». И маме...

Потому что Словокина мама была ветераном «Эспады». В восьмидесятых годах она ходила на шхуне «Тремолино», а потом, когда по старой памяти навещала отряд, любила пройти на «Томике». «Я люблю его, как настоящая Бекки Тэччер любила настоящего Тома, – иногда признавалась мама. Но потом добавляла – Хотя „Тремолино“ я любила все-таки крепче...»

Наверно, никогда никому не прочтает Словоко это сочиненное сейчас четверостишие. Оно из тех, которые «только для меня». Записываются в тайную тетрадку, а то и просто остаются в памяти... Такие строчки – неумелые, корявые, но от них щиплет в глазах.

...Впрочем, сейчас щипало в глазах прежде всего от дыма. Дувший с озера трехбалльный норд, пролетал сквозь шеренгу, что стояла к ветру спиной, вскидывал дым над огненной круговертью и бросал его на шеренгу, в которой был Словоко. Многие моргали, терли веки и скулы.

Барабаны замолчали. Строй постепенно ломался. Превращался в кольцо, которое замыкало в себя горящую яхту. Широкое кольцо – такое, чтобы пламя не дышало жаром в лица. Впрочем, огонь становился все ниже, ниже, а кольцо – теснее. Подошли большие ребята из секции многоборцев, которые неподалеку оснащали свои шлюпки, подошел дежурный моторист Федя... Кое у кого появились в руках длинные прутья с насаженными на них кусками черного хлеба. Хлебные «шашлыки» совали в пламя, ждали, когда поджарятся (вернее, обуглятся), и жевали, размазывая по щекам сажу. Такие вот были корабельные поминки. Этот обычай сложился давно: ведь с яхтами прощались не один раз. Но нынче сожгли самую заслуженную, самую любимую.

Корпус «Тома Сойера» уже становился грудой тлеющих деревянных огрызков. И настроение менялось. Мысли теперь обращались к повседневным заботам, к предстоящим парусным гонкам, к необходимости заново проверять оснастку. Первые две недели парусной практики были с капризными ветрами, потрепало немало...

Каперанг Соломин расстегнул синюю куртку с черными погонами, снял мятую белую фуражку, блеснула легкая проседь. Он потер лоб, глянул на Корнеича.

– Даня, отойдем давай, надо поговорить. Есть у меня тут некоторые сомнения.

Корнеич сразу учуял тревогу.

– Пошли в рубку, Дима...

Он повернулся, сделал шаг, остановился. Охнул:

– Господи, Рыжик...

2

Рыжик шагал от железных, украшенных приваренными к столбам якорями, ворот базы. Он был не в форме, а такой же, каким Словоко увидел его впервые, в сентябре. Тот же длинный рыжий свитер и мятые парусиновые штаны. Только на ногах не сапожки, а разбитые кроссовки. Ноги – это сразу видно – в густых комариных укусах, а в ершистых волосах мелкий травяной мусор.

Сперва Рыжик шел, чуть прихрамывая, потом побежал и уткнулся лицом в штурманскую куртку Корнеича. Всклипнул.

Корнеич отступил к лежавшему у воды бетонному блоку, потянул Рыжика за собой. Сел. Взял Рыжика за локти.

– Сбежал?

Тот всклипнул снова и кивнул. Его и Корнеича обступали ребята. Молча.

Умнее всех поступил командир барабанщиков Игорь Нессонов. Он сказал своей команде:

– Рыжик вернулся. Принесите его барабан.

Рыжик глянул на него, на Корнеича. Ладонью мазнул по щекам, шепотом спросил:

– Значит, меня еще не исключили?

– Рыжик, ты спятил? – осторожно сказал Корнеич.

– Но ты же сам тогда сказал... маме...

– Боже мой, но это же я *ей* сказал! Чтобы хоть чем-то убедить...

Мама Рыжика не поддавалась убеждениям. Даже когда Корнеич сообщил ей, что всех, кто не прошел программу летней практики, отчисляют из флотилии.

– Как это отчисляют! – вознегодовала мама. – Мне разрешил Феликс Борисович! И Аида Матвеевна. Они...

– Феликс Борисович отвечает за административные и финансовые дела, – перебил ее Корнеич. – А его супруга за программу по психологии. За все, что связано с парусными делами, отвечаем я и Даниил Валерьевич Рафалов, – Корнеич посмотрел на Кинтеля.

Разговор шел в штабе флотилии на Профсоюзной. Здесь, кроме Корнеича, Кинтеля, Рыжика и его мамы были несколько ребят (в том числе и Словко). И Аида была. Она в разговор не вмешивалась – сказала уже свое слово.

– В конце концов, разве я не имею права на личную жизнь? – с накалом возгласила мама Рыжика. – В кои-то веки...

Три месяца назад она вышла замуж за сотрудника компьютерной фирмы «Кольцо Нибелунгов». Казалось, что нормальный мужик. Как-то зашел в отряд, обещал даже помочь с цветным принтером. Но теперь случилось так, что у него и у жены в июле отпуск, путевка в сочинский пансионат, куда якобы нельзя с детьми. И решили молодожены, что пускай «дети» проведут три недели в лагере «Солнечная Радость». А эти три недели в «Эспаде» – самое важное время! Стажировка новых рулевых, зачеты, гонки на первенство флотилии, потом выезд в свой летний лагерь, где собираются отряды из нескольких городов!

И все это теперь – без Рыжика!

Каждый понимал, какое горе застряло твердым колючим комом у него в груди.

Все, кроме мамы:

– С кем я его здесь оставляю? С бабкой? Ей самой нужна нянька, пришлось нанимать женщину-соседку. Но возиться еще и с ребенком она не станет!

«Ребенок» стоял тут же, с закушенной губой. Главная задача его была – не разреваться. Он уже делал это дома и теперь знал: нет смысла.

– Роза Станиславовна, он может пожить у любого из ребят, – сказал Корнеич.

– А я! – чуть ли не с подвыванием возгласила та. – Я-то как буду *жить там*? Постоянно на нервах? В страхе? А в «Солнечной Радости» он будет *под присмотром*!

– А здесь, что ли, не будет? – не выдержал Словко. – У нас в тыщу раз безопаснее!

– Да, я вижу! – метнула Роза Станиславовна блестящий гневными слезинками взгляд. – Два раза опрокидывался на яхте!

– И ничего, живой, – вставил Кинтель

– Я хочу, чтобы он *таким* и оставался. По крайней мере, пока мы с мужем в отъезде, – без всякой логики заявила мама Рыжика. – Прохор, идем! – И ухватила сына за руку.

Рыжик вырвал руку, шагнул к Словко (тот стоял ближе всех), попросил шепотом:

– Колесо иногда подкручивайте, ладно? – И, съезжив плечи, быстро пошел к двери. Мама – следом, застучала каблучками. У Словоко аж колючки заскреблись в гортани.

Корнейч повернулся к Аиде. Та – грузная и с растрепанной как всегда прической – молча возвышалась на фоне плаката с барком «Крузенштерн».

– Ну? Можете быть с Феликсом довольны, сделали свое черное дело, – выговорил Корнейч и скривился так же, как в минуты, когда болела под протезом нога.

– А разве не надо входить в положение людей, у которых только налаживается семейная жизнь? – голосом завуча-методиста произнесла Аида Матвеевна.

– Людей! Рыжик, значит, не «люди»? Входить в *его* положение не надо?! – чуть ли не взревел Корнейч. – У него первая в жизни настоящая практика, соревнования, зачеты! Вы его своей дурацкой уступкой мамаше разом лишили этого всего, отодвинули по программе на год! В конце концов, какое право вы имели давать свое идиотское разрешение?!

– А на каком основании мы могли его не дать? Когда такие обстоятельства!

Капитан Кирилл Инаков обстоятельно разъяснил:

– На основании устава «Эспады»! Когда родители записывают к нам ребенка, они берут обязательства не срывать его с летних занятий! Ведь здесь же не кружок мягкой игрушки, а па-ру-са!..

– Во всяких правилах могут быть исключения.

Корнейч обычно был спокоен и деликатен. Теперь он, однако, даже не постеснялся окружающих ребят.

– Ладно... Говорить с тобой и Феликсом о парусных делах все равно что... с чугуном кнехтом о квантовой механике. Но ты же *дипломированный психолог* ! Ты представляешь, что теперь в душе у Рыжика?!

– Да, представляю! Ничего сверхординарного! Детям такого возраста иногда полезна фрустрация... – Аида сложила на крепкой цветастой груди руки.

– Чего полезно? – переспросил Кирилл Инаков.

– Горькие переживания и встряски. Без этого немислимо становление характера и воспитание толерантности.

– И с этой твоей фрустрацией он будет там жить три недели... – сквозь зубы подвел итог Корнейч.

– Не будет. Войдет в нормальный ритм через два дня. А когда вернется, два сеанса психологической стабилизации, и он станет совершенно прежним. Если, конечно, ты со своим советом командиров не выставишь его из отряда...

– Дура, – сказал Кинтель.

Он сказал это вроде бы про себя, но Аида услышала. И не стала негодовать (психолог же!). С достоинством королевы, игнорирующей мелкие выпады плебеев, она сообщила:

– Если бы я была дура, в этом помещении находилась бы сейчас не «Эспада», а филиал фирмы «Пегас».

Увы, Корнейч знал, что в этом есть доля правды. Хотя главная заслуга здесь была не Аиды, а ее мужа Феликса. Пока Корнейч целый год болтался то по больницам, то по заграничным командировкам, Феликс Борисович Толкунов – кандидат наук, преподаватель педагогического университета – активно и целенаправленно вживался в дела отряда. Надо отдать справедливость, организатор он был талантливый. И он, и жена его, кстати, отлично владели методом, который назывался «выходить на...» Они то и дело *выходили на* влиятельного депутата гордумы, на нужного чиновника мэрии, на авторитетных членов областного министерства просвещения и всяких других полезных людей. Это давало свои плоды. Не бросая преподавательской работы, супруги Толкуновы сумели принести отряду немало пользы. Подтвердили право на бесплатную аренду помещения, включили «Эспаду» в районное объединение детских клубов «Солнечный круг», добились там нескольких платных должностей (как они говорили

– «ставок»). Одну, полную – «заведующего клубом» (хотя во флотилии «Эспады» слово клуб было почти неприличным) – взял себе Феликс Борисович. Другая, половинная, досталась Аиде (должность штатного психолога!). Еще одну «половинку» – Даниилу Рафалову, «помощнику заведующего по морскому делу и спорту». До этого Кинтель был нештатным инструктором. На жизнь он зарабатывал программистом в нотариальной конторе. Работа была, как он говорил, не бей лежачего, но и платили за не так себе. Лишние полставки в сложной жизни Кинтеля («холостячко-многосемейной») оказались не лишние.

Зато Корнеичу сказали в клубном объединении, что, мол, так и так, господин Вострецов, двух заведующих клубом не бывает, и вам от вашей ставочки надо бы отказаться. Корнеич махнул рукой. К такому повороту он был готов. Зато свалил с себя массу забот.

Потом, время от времени появляясь в отряде, он слышал от Кинтеля и некоторых капитанов, что «какой-то здесь не тот крен». Чересчур много стало всяких «мероприятий»: концертных выступлений с деламацией, участия в разных слетах, встреч со всякими представителями. Все меньше оставалось времени для занятий по устройству судов и маневрированию, для фехтовальных турниров и походов по окрестным лесам. Только занятия барабанщиков шли регулярно и часто. Барабанщики были нужны постоянно. Для приветствий на разных собраниях и конференциях. Пожилые ветераны, деловитые бизнесмены и улыбчивые дамы-методисты умиленно внимали маршам подтянутых, сверкающих аксельбантами и золотыми якорями барабанщиков, которые виртуозно обрабатывали палочками кожу высоких, «суворовских», барабанов.

Первого июня, в День защиты детей (надо же их защищать хоть раз в году!) вернувшийся из очередной поездки в Германию Корнеич оказался свидетелем карнавального шествия по главной улице Преображенска. Длинную колонну из клоунов, акробатов, литературных персонажей и пестрых колесниц возглавляли барабанщики «Эспады». Шли они не в ногу, лупили в барабаны вразнобой. Не потому что разучились, а потому что сам ритм праздника и резвящийся рядом оркестр не давали играть и шагать как надо.

Тогда Корнеич впервые взъелся по-настоящему. И крупно поговорил с Толкуновыми. «Барабанщики „Эспады“ впереди клоунской толпы! Такого позора не было во все тридцать с лишним лет! Довели флотилию!» Супруги возражали вежливо, но уверенно. Мол, зато смотрите, какой у клуба... то есть у нашего отряда авторитет! Лучшее детское объединение в городе! Грамоты и призы! Нам обещан капитальный ремонт. Профинансирован загородный лагерь, где состоится слет профильных отрядов. Он и в прошлом году был, такой лагерь, и показал, что... Ну и так далее. А Феликс Борисович даже деликатно намекнул, что теперь Данил Корнеич Вострецов по закону здесь вроде бы уже никто...

Но Корнеич знал *свои* законы. Успокоился, подышал сквозь зубы и ответил что он на веки вечные – старший флагман флотилии. Это звание не отберут у него никакие губернаторы и депутаты. И что сейчас он соберет ветеранов «Эспады» разных лет, а те популярно объяснят непонятливым, *что* есть наша флотилия изначально и во все времена...

Правда, собирать не стал, долгое получилось бы дело. Для начала он в сердцах наорал на «морского инструктора» Кинтеля (который не обиделся, хотя был ни в чем не виноват, потому что и так «извивался тут, как мог»). Потом объявил общий сбор. На сборе он сообщил, что с нынешнего дня отменяются все дела кроме ремонта судов, который до сих пор шел еле-еле, и подготовки плаваний. Слава Богу, что есть еще две недели: все равно рыбинспекция не выпускает суда на воду раньше середины июня...

Не весь отряд воспринял негодование старшего флагмана как надо. В составе «Эспады» в этом году возник откуда-то чуть не десяток пышнотелых девиц-переростков, которые образовали вокруг психолога Аиды неофициальную элиту. Всякие там редакторши отрядной газеты, режиссерши концертных номеров, а также «инструкторы психологического практикума». Они-то в первую очередь и застонали, что нельзя ломать утвержденный летний план. Корнеич сказал, что «кто не хочет, пускай не ломает», но при этом пусть снимет с нашивок якоря и не

просится в экипажи. Кое-кто из девиц, кстати, так и сделал. Кинтель, который стремительно обрел прежнюю уверенность, заметил при этом: «Леди с палубы – галеону легче».

А флотилия опять становилась флотилией. Вновь под отрядной эмблемой стоял вахтенный с рапирой, отбивались склянки и никто уже не появлялся в штабе и на берегу без оранжевой летней формы...

3

Ребята принесли Рыжику его барабан. Высокий, с золотистыми шнурами, с оранжевым корабликом на черном боку. Такие барабаны были сделаны в очень давние времена, в семидесятых годах, когда «Эспада» отсчитывала первые годы своей истории. Кожу и обручи брали от обычных пионерских барабанов, а цилиндры мастерили сами – гнули их из тонкой фанеры, распаренной в кипятке...

Рыжик слабо улыбнулся, сел на корточки и стал гладить барабан. Однако, неуверенно, робко, словно тот был живым и мог в любой миг убежать. Потом Рыжик снизу вверх глянул на Корнеича. Выговорил виновато:

– А за мной... Наверно скоро примчатся. В погоню...

За Корнеича ответил Кинтель:

– Мы тебя больше никому не отдадим.

– Кроме мамы, – уточнил Корнеич. – Но мама сейчас далеко... – И все поняли, что он чуть-чуть не добавил «слава Богу».

– Ты будешь жить у нас, – как о давно решенном деле сообщила Ксения Нессонова. – Я уступлю тебе верхнюю койку, а сама буду спать на диване...

– История повторяется, – заметил Корнеич. – Тридцать с лишним лет назад Сергей Владимирович Каховский, ныне весьма известный археолог и автор монографий, а тогда жаждущий справедливости Сережка, махнул из пионерского лагеря. Не поладил с начальником: тот имел обыкновение совать нос в чужие письма. И была погоня, и был скандал, и был хороший конец... Это – одно из событий, лежащих в истоках отрядных летописей...

– Кстати, когда Сергей придет? Обещал ведь... – спросил каперанг Соломин. До сих пор он молча наблюдал события.

– Очень скоро, – охотно сообщил Корнеич. – Не исключено даже, что сегодня... Ольга, ты чего стоишь, как соляной столб! Ну-ка, брысь за аптечкой! Надо обрабатывать беглеца, он изглодан кровососущими тварями...

Грузоватая Ольга умчалась с резвостью стрекозы, а Словоко спросил у Рыжика:

– Как ты сюда добрался-то? – Он сказал это скомканно, потому что ощущал странную виноватость перед Рыжиком (да и другие, кажется, тоже).

Рыжик шевельнул под свитером плечами. На миг вскинул желто-серые глаза.

– Я сперва через лес. А потом по дороге на попутной машине...

– Ночью через лес? Я бы помер, – честно сказал Сережка Гольденбаум. Он имел право признаться в такой слабости, потому что был храбрым яхтенным матросом.

Рыжик объяснил очень серьезно:

– Я же не мог же помереть, потому что как бы тогда я добрался сюда?

– А что за попутная машина? – спросил Корнеич.

– Ой... – Рыжик торопливо встал. Взял Корнеича за руку. – Я забыл, пойдем...

За открытыми воротами базы серебрилась под солнцем иномарка, а ближе к мысу, уже на территории, стоял кругловатый и лысоватый дядя в пестрой рубаше. Смотрел с терпеливым ожиданием.

Рыжик подтянул к нему Корнеича (остальные стали поодаль).

– Вот. Это... он меня привез...

Дядя шевельнулся, и в этом движении ощутилось нечто строевое.

– Подполковник Смолянцев. Виктор Максимович.

Корнейч наклонил голову:

– Командир парусной флотилии «Эспада» Вострецов...

– Я смотрю, у вас тут целая морская держава, — сказал подполковник Смолянцев доброжелательно.

– Держава не держава, но кое-что есть... Спасибо вам за нашего барабанщика. — Корнейч левой рукой прижал к себе Рыжика, а правую протянул Виктору Максимовичу. Подполковник и старший флагман обменялись несколько торжественным рукопожатием.

– По правде говоря, ваш барабанщик сперва поставил меня в затруднительное положение, — добродушно сообщил подполковник. — Он с истинно офицерской прямоотой проинформировал меня, что покинул лагерь без санкции начальства. С точки зрения логики и законности я должен был бы его доставить обратно, в заботливые объятия воспитателей. Но он заверил меня, что спешит к очень хорошим друзьям, которые справедливо решат, что с ним делать.

– Уже решили, — сказал Корнейч и потормошил на Рыжике ершики искрящихся волос. — В лагерь мы его в любом случае больше не отдадим. У нас есть правило: не делать дважды одну и ту же глупость... — (Рыжик благодарно шевельнулся.)

– Весьма отрадно. Значит, я могу быть спокоен за своего... попутчика?

– Стопроцентно... На всякий случай вот вам мои данные... — Корнейч из нагрудного кармана штурманки извлек визитную карточку.

– Благодарю. Тогда и я... — И подполковник полез в карман своих штатских джинсов...

Подбежала Ольга с брезентовой сумкой, ухватила Рыжика:

– Ну-ка, пошли... «пища кровососущих»...

И все, кроме Корнейча, двинулись за ними, к эллингу. Рыжик интересовал друзей больше подполковника в штатском. Ольга велела Рыжику:

– Садись... Мцыри.

Рыжик не знал, наверно, кто такой Мцыри, но послушно сел в тени эллинга на вкопанную скамейку. Ольга стала деловитой и строгой. Выдавила из тюбика на ладонь пахучую гусеницу, растерла в ладонях, растянула на Рыжике оранжевый ворот и принялась натирать ему шею, щеки, уши. Потом велела оказавшимся рядом Словко и Владиду Казанцеву держать «обглоданного беглеца» за щиколотки — «чтобы конечности были прямые». И начала втирать мазь в коричневые изжаленные ноги, по всей длине. Рыжик заерзал:

– Щекотно...

– Терпи. А то скоро изведешься. Сейчас-то еще ничего, а к вечеру знаешь какая чесотка начнется... Не мог, что ли, одеться как следует, когда удирал?

Рыжик печально засопел.

– Джинсы в чемодане, а он на складе... Я натерся кремом «Тайга», он сперва помогал, а потом перестал...

– «Тайга» это муть на простокваше, — сказал Владик Казанцев. — Лучшее всего «Антижало», помогает от любых кусачих тварей.

Кто-то среди окружавших возразил, что «Антижалом» только укусы смазывать, а вот есть жидкость, которая... Ну и так далее. Тут же разгорелся спор, какое средство самое надежное для защиты от комаров, мошки и оводов. Махали в воздухе руками и ногами, показывая, что на них вовсе нет следов от укусов. Только Рыжик сидел теперь не двигаясь и непонятно смотрел перед собой. Словко ладонями ощущал, как в тонкой щиколотке Рыжика твердым шариком колотится тревожный пульс.

Потом они с Рыжиком встретились глазами. И в глазах барабанщика было: «Теперь-то все хорошо, да... Но что будет дальше?»

«И дальше будет хорошо. Не бойся», – сказал ему Словко. Тоже глазами. Рыжик опустил веки, будто спрятал недоверчивость.

Словко и Рыжик не были друзьями. Да, в сентябре Словко с ребятами помог Рыжику управиться с колесом, затем они позвали мальчишку в отряд. Ну а дальше началась у каждого отдельная жизнь. Целый год учились в разные смены. В отряде встречались только по выходным и в каникулы, на общих сборах. Конечно, радовались друг другу, хлопали ладонью о ладонь в рукопожатиях, Словко порой спрашивал: «Как колесо?» Рыжик смущенно говорил, что «вертится»...

Словко не столько видел сам, сколько узнавал со стороны, что Рыжик всей душой – преданно и стремительно – вращается в жизнь «Эспады». В сентябре он успел обрести кой-какой опыт хождения на яхтах, научился управляться со стакель-шкотами. Осенью и зимой быстрее других новичков одолел морскую программу первого года и сдал зачеты на звание яхтенного матроса (а ведь, казалось бы, малыш еще, третьеклассник). Уже в ноябре ему закрыли кандидатский стаж. С нового года барабанщики начали учить его своему мастерству («наш человек»), а на сборе в честь Весеннего равноденствия повзрослевший Юрий Сазонов передал Рыжику Кандаурову свой барабан. И вскоре Сережка Гольденбаум (человек, стремившийся к постоянной справедливости) заявил, что пусть ведущим барабанщиком будет не он, а Рыжик.

– Потому что у него получается лучше!

Чтобы не обижать Сережку, решили: пусть будут оба, по очереди. И с той поры на линейках («через раз») Рыжик выводил в «каминный» зал и вел вдоль строя знаменную группу...

В общем, все складывалось хорошо. Только близко они со Словко не подружились (да и не так-то это просто, все же разница в три года). Было обычное отрядное товарищество. А близкого друга найти нелегко. Такого, как Олежка Тюменцев, Жек, год назад уехавший с родителями в Калининград. Как прощались, лучше не вспоминать...

Но теперь Словко беспокоился за Рыжика, будто за крепкого друга. Или даже за братишку (которого у Словко никогда не было). Рыжкина тревога передавалась ему в ладони толчками пульса...

Краем глаза Словко увидел, как уехала серебристая иномарка, а за Корнеичем пришел из рубки молодой инструктор моршколы Володя. И Корнеич двинулся за Володей.

Рубка – это просторное стеклянное строение на бетонных столбах. Оно служило и каюткомпанией, и кабинетом начальника базы, и диспетчерской будкой. Там стояла на треноге подзорная труба (видно было почти все озеро, до Шамана), висел на стенке телефон. С земли вела в рубку крутая лесенка-трап. Корнеичу с его протезом подниматься было нелегко, он лишний раз туда и не лазил. Но сейчас, кажется, случилось что-то важное, поскольку Корнеич решительными толчками стал одолевать трап (Володя подстраховывал сзади). Словко нервами-струнами ощутил: дело связано с Рыжиком...

Словко не ошибся. Звонила мать Рыжика. Из Сочи. Корнеич, как взял трубку, так сразу представил ее – взвинченную, со слезинками на крашенных ресницах, с отчаянным страхом на лице, который она прячет за злой решительностью тона.

– Даниил Корнеевич? Надеюсь, вам уже известно, что произошло?

– Известно, – кивнул телефону Корнеич, из всех сил подавляя в голосе нотки невольного злорадства.

– Где он?

– Да вон сидит на берегу. Мажут его от комаров...

– Господи... Он живой?

Корнеич сказал с удовольствием:

– Ну, Роза Станиславовна. Подумайте, какой смысл мазать покойника?.. К вам что, дозволили из лагеря?

– Вот именно! На мой сотовый...

– Кретины, – констатировал Корнейч. – Не проще ли было позвонить сюда?

– Откуда им известен ваш телефон!.. К тому же, они предпочитают иметь дело с родителями!

– Логично, – хмыкнул Корнейч.

Голос Рыжкиной мамы обрел некоторую уверенность (вперемешку с раздражением):

– Сейчас я буду звонить начальнику лагеря. Он захочет узнать... да и я тоже: вы сами доставите моего сына в лагерь или за ним надо посылать воспитателя?

– Ни то, ни другое.

– То есть... как вас понимать?

– Понимать просто, – слегка зевнул Корнейч. – Мы его в лагерь не повезем. Изверги мы, что ли? И приехавшим не отдадим. Я не могу доверять мальчика людям, которые не сумели уследить за ним. Он слинял из этой Горькой Ра... тьфу, Солнечной Радости через четыре дня. Не от солнечной жизни, полагаю...

– Тогда за ним приедет милиция!

– Ну, приедет, отвезет обратно. И что? Через день он убежит опять, опыт есть...

– Тогда... Начальник лагеря сказал, что его отправят в детприемник! До нашего возвращения! – со слезливым бешенством заявила Роза Станиславовна.

«Ну и сволочь, – едва не высказался Корнейч. – Хотя, наверно, она это от бессильного отчаянья...»

– Валяйте. Милиция это умеет. Мальчишку заберут, остригут наголо, вымоют под ржавым душем. Оденут в казенную робу и засунут за колючую изгородь. Но имейте в виду: этот процесс будет заснят цифровыми камерами и в тот же вечер эпизод покажут в «Новостях». Как господин Саранцев, ведущий специалист известной фирмы «Кольцо Нибелунгов», устраивает свой отдых с молодой супругой, избавляясь от пасынка.

– Вы что!? Вы меня... шантажируете?! – выдохнула она в телефон так, что из наушника дохнуло гневным жаром.

– Да, – кротко согласился Корнейч. – А что мне остается делать, если вы... – И вдруг взревел: – Послушайте, уважаемая Роза Станиславовна! Ваш Прохор вам кто? Сын или морская свинка для забавы?! Почему вы, черт возьми, не в состоянии просто-напросто пожалеть его? Как мать!

Было даже слышно, как она хлопнула губами. И часто задышала.

– Но я... Ой! Разряжается телефон! Я перезвоню...

– Позвоните мне вечером домой. В одиннадцать. Конечно, по нашему, не по сочинскому времени. – И он, сопя от злости, повесил трубку на рычаг. И сразу остыл, вспомнив о Рыжике на берегу. Вон он сидит, искусанный бродяга...

Корнейч, цепко хватаясь за поручни, спустил себя по трапу (Володя вроде бы не смотрел, но стоял близко). И пошел старший флагман Вострецов к барабанщику Кандаурову – похожему на того, каким был он сам, Данилка Вострецов, больше тридцати лет назад. Рыжик потянулся ему навстречу. Глазища – нараспашку.

– Мама звонила, – небрежно сообщил Корнейч. – Все в порядке. Она не сердится, передает привет... А где барабанные близнецы?.. А, вот вы! Значит, договорились, забираете Рыжика?

Игорь и Ксения дружно подтвердили: забираем!

Корнейч сел рядом с Рыжиком, которого все еще мазала добросовестная санинструктор Шагалова. От Рыжика густо пахло ментолом. Ольга сделала последний мазок и сказала:

– Теперь его надо покормить. Есть батоны и какао в термосе. Эй, кто дежурный?

Дежурный Вовчик Некрасов, из Ольгиного экипажа, ускакал в элинг за хлебом и термосом.

Корнейч качнул Рыжика за плечо.

– А теперь, сокровище наше, рассказывай по порядку...

Ночь и лес

1

Рыжика увезли в лагерь двадцать пятого июня, в субботу. На следующий день улетели в Сочи Рыжкина мать и ее муж.

В воскресенье и понедельник Рыжик прожил в холодной безнадежности. Это было даже не отчаяние, а твердая, словно кусок льда, тоска. Гвалтливая и пестрая жизнь Солнечной Радости, проходила мимо Рыжика, не касалась его. Он машинально шевелил ложкой во время обеда, машинально залезал под простыню в тихий час и вечером (и укрывался с головой). С ним не разговаривали ни ребята, ни воспитатели. Видно, решили: скучает пацаненок по дому, бывает такое. Потом пройдет.

А он скучал не по дому и знал, что не пройдет.

Рыжик не верил всерьез, что его исключат из «Эспады» (хотя по правилам должны были). Но жить без отряда, без парусов, без своих ребят почти месяц! И такой месяц, когда там *самое главное* ! И вообще – там было для него *всё* ! И теперь он задыхался от горечи, как выдернутая из родного аквариума рыбка.

Так прошли понедельник, вторник и среда. В четверг, слоняясь по лагерю в одиночку, Рыжик забрел в фанерный домик, где было что-то вроде штаба. Шкафы с книгами, какие-то щиты с картинками, а между окон висела... большущая карта. Похожая на военную. Зеленая, расчерченная тонкими линиями на квадраты. «Окрестности города Преображенска. Западный район», – прочел Рыжик вверх.

Он уперся в липкую карту ладонями. Потом сразу спрятал руки за спину и сделал два шага назад, принял равнодушный вид. Чтобы все, кто глянет на него, поняли: никакая карта Прохору Кандаурову не нужна. И он стал будто бы смотреть в окно, а по правде все равно смотрел на карту. С полутора метров он легко различал самые мелкие буквы и значки.

Разбираться в картах Рыжик умел. Конечно, на занятиях в отряде больше приходилось иметь дело с морскими картами, с «меркаторскими», но и про сухопутные Кинтель кое-что объяснял. Рыжик быстро сообразил, что в каждом квадрате бумажного пространства – километр. Что зеленая масса с рассыпанными по ней кудрявыми деревьями и елочками – большой лес. Вверху справа был обозначен лагерь «Солнечная Радость» – синим флажком с желтым солнышком. От этой «Радости» вверх шла дорога, по которой привезли сюда Рыжика – к Еланской ветке, где ходили электрички. Рыжик понимал, что туда соваться нечего и думать – сцапают.

Слева, в нижней части карты, виднелась правая часть Преображенска. Она была похожа на часть осьминога, растопырившего коричневые щупальца. С востока на запад тянулась к Преображенску жирная линия. Вдоль нее танцевали редкие буковки, которые складывались в надпись: *С а в е л ь е в с к и й т р а к т*.

И тракт вел ни куда-нибудь, а прямо к северному берегу Орловского озера, а с берега острым треугольником втыкался в синюю типографскую краску «Мельничный п-ов»! То самый, чьи берега занимала водная база морской школы РОСТО. И где каждый день поднимала свой флаг «Эспада»!

С этой минуты жизнь Рыжика снова обрела смысл и цель.

От лагеря до города по прямой было километров тридцать пять, Рыжик понимал, что не одолеет этот путь по лесу, не зная дороги. Но и не надо! До тракта – всего двенадцать километров! И не заблудишься! Шагай прямо на юг и в конце концов (левее ли, правее ли – все равно) наткнешься на шоссе. А там полно машин! И найдутся же, наверно, добрые люди! Он

скажет, что пошел с родителями за грибами, заблудился и теперь самостоятельно добирается до города...

Старый растянутый свитер он заранее спрятал в лопухах у забора. Завернул в него тюбик с мазью «Тайга» и два куска хлеба, которые в обед унес тайком из столовой. Никакого имущества с собой он решил не брать. Да и какое имущество? Только зубная паста и щетка в тумбочке. Чемоданчик с запасной одеждой все равно заперт у кладовщицы тети Лизы. Наплевать... Да, был еще фонарик-брелок! Рыжик проверил – в кармане ли он? Здесь, на месте...

Когда укладывались на ночь, Рыжик не стал снимать с руки часы. Эти электронные часики мама подарила, когда ему стукнуло девять лет. Рядом с циферблатом, на широком кожаном браслете, дергал стрелкой под выпуклым стеклышком крохотный компас ("компас" – принято было говорить в «Эспаде»). Пригодится. Ох как пригодится...

Младшим отрядам отбой полагался в десять часов, когда закатное солнце еще проглядывало сквозь сосны. Конечно, никто сразу не засыпал. Тем более, что старшие в длинной дощатой столовой бесновались и горланили на своей дурацкой дискотеке. «Им можно, а нам нельзя, да?» – бунтовали младшие. Ну и драки полотенцами, анекдоты всякие, страшилки (глупые и не страшные; а вот в лесу действительно будет жуть, Рыжик это понимал). Наконец часам к одиннадцати – после того, как вожатая Татьяна Семеновна дважды врывается в палату и грозила «расставить по углам на всю ночь», народ утомился. Задышал в подушки. За окнами сделалось потемнее. Гвалт и музыка в столовой стали затихать.

...И, кажется, он заснул. Но не надолго, на полчаса или час. А проснулся, будто от толчка: пора!

Рыжик откинул простыню, сел в кровати. Сердце сжималось и разжималось, как упругий мячик. Почему-то все время хотелось переглатывать. Рыжик натянул штаны и кроссовки. Никто на него не смотрел, все только посапывали. «Ладно, отдать швартовы», – приказал себе Рыжик, и от этой бодрой команды ощутил себя уверенней. Двинулся к выходу – как человек, захотевший побывать в кирпичном галюне на краю лагеря.

Снаружи оказалось пусто и светло. Лишь несколько дней назад миновало летнее солнцестояние, ночи все еще были совсем короткие и почти «белые». Перистые облака в серебристой вышине отражали солнце, которое спряталось совсем неглубоко. Хотя виднелись и темные облака – признаки не очень-то теплой погоды. Конец июня в нынешнем году не баловал жарой, и сейчас вечер был зябкий.

Рыжик двинулся по кирпичной дорожке мимо длинных умывальников, мимо столовой. Старался шагать независимо. А чего такого? Ну, надо человеку...

Но никто не встретился Рыжику, не окликнул его. Светлая ночь была пуста, как громадная, чисто вымытая банка из стекла. Рыжик не пошел, конечно, к кирпичному строению, от которого пахло хлоркой, а взял правее, к забору. Откопал в лопухах свитер, хлеб и мазь, выбрался в дыру между досок. Сунул хлеб в карман, потом натер шею, руки и ноги «Тайгой» – на всякий случай, потому что пока рядом не было ни одного комара. После этого он напялил свой рыжий балахон и двинулся к ближней деревне Мокшино. Через мелкий березняк.

В березняке впервые стало страшновато. От безлюдья, от шелеста и... даже непонятно отчего. Рыжик принял этот страх как должное, не стал прогонять. Рассудил в том смысле, что пусть эта пока что маленькая боязнь будет ступенькой привыкания к большому страху, который наверняка ждет беглеца в ночном лесу. Впрочем, березняк быстро кончился и Рыжик увидел изгороди околицы. Кое-где светились окошки, издали слышалась музыка – наверно, работал телевизор.

Рыжик не стал заходить в деревню, отправился по тропинке вдоль изгородей. Лопухи чиркали по ногам, свежие головки репейника цеплялись за свитер, но не сильно (играли, наверно). А впереди сквозь репейник был *виден лес*. И от этого под свитером заранее разбежался этакий «мурашистый» холодок. Впрочем, возможно, и от вечерней зябкости...

Когда деревня осталась позади, а до темной зубчатой стены леса было около сотни шагов, Рыжику повстречалась собака. Большая, лохматая. Они сошлись на тропинке. Встали друг против друга. Собака смотрела непонятно, ждала чего-то. Рыжик сперва хотел уступить дорогу, но вдруг подумал: получится, что он испугался. А если испугается сейчас, как тогда будет в лесу?

– Хочешь хлеба? – спросил он собаку. И она... да, она чуть вильнула хвостом.

Рыжик достал подсохшие ломтики, протянул один собаке на ладони. Она снова вильнула хвостом, взяла кусок губами. Сжевала его. Правда, не очень охотно (видимо, от хлеба пахло «Тайгой»), но все-таки сжевала. И шевельнула хвостом третий раз.

– Послушай, а может, ты проводишь меня до тракта? – спросил Рыжик. Он понимал, как замечательно было бы идти через лес вместе с таким сильным добрым зверем. Ни капельки не страшно! Однако собака тихонько вздохнула: извини, мол, но у меня свои дела. Она обошла мальчишку и, не оглядываясь, двинулась к деревне. А Рыжик проводил ее глазами и снова повернулся лицом к лесу.

Постоял секунды три и зашагал.

Когда лес придвинулся вплотную, дохнул тьмой и сосновым запахом, когда шиповник опушки цапнул за рукава и оцарапал ноги, у Рыжика мелькнула *мысль*. О том, что койка в лагерной палате не столь уж плоха, уютная даже, и что, может быть, не стоит делать глупостей, а лучше вернуться, лечь, потому что... ну, наверно, не такая уж она длинная, лагерная смена. Кончится, и потом все будет хорошо...

Но это была не его, не Рыжкина мысль! Будто ее кто-то со стороны, предательски, сунул ему в голову. И Рыжик отчаянно потрянул головой! Он, парусный матрос и барабанщик «Эспады», скомкал эту мысль, будто грязную бумажку и с отвращением швырнул... да, внутрь того самого кирпичного строения, которое пахло хлоркой. И проломился сквозь шиповник навстречу мраку...

2

Мрак сразу обступил Рыжика – громадный, плотный, неподвижный. Свет легких серебристых сумерек остался позади, за черными колоннами сосновых стволов. Чем дальше Рыжик шагал, тем плотнее эти колонны смыкались у него за спиной, заслоняя последние светящиеся щели. И, чтобы не видеть этого темного смыкания, Рыжик запретил себе оглядываться. Можно смотреть лишь вперед и вверх...

Но впереди была тьма. А сверху... да, там светлело небо, но его было мало. Мохнатые головы сосен заслоняли его, оставляя лишь разрывы с клочками то темных, то отражающих закат облаков. И когда снова глянешь перед собой, тьма после проблесков неба кажется еще глуше.

И что было *там*, в этой тьме?

«А ничего! – зло сказал себе Рыжик. – Просто лес. Такой же, как днем, только... только забыли включить фонари, вот...» – И даже хихикнул про себя. И при этом шагал по устилавшей почву сухой хвое – широко, решительно и равномерно. Почти вслепую огибал выскакивавшие к лицу толстые и тонкие прямые стволы. Он даже немножко гордился, что не сбавляет шага. Шел и расталкивал страх, как черный липкий кисель.

Иногда Рыжик на несколько секунд закрывал глаза и шел, вытянув руки, натыкаясь ладонями на деревья. С закрытыми глазами можно представить, будто ты не в лесу, а у себя в комнате. Раз не вижу – значит, не боюсь. Но скоро глаза раскрывались сами собой, хотели различить вокруг *хоть что-то*. И... в конце концов стали различать. Стволы сосен были чернее окружающей темноты. И мохнатые ели были чернее. А порой из сумрака отчетливо выступали березовые стволы, и тогда Рыжик радовался им, как друзьям...

Наконец он остановился. «Надо же сверить курс...» Крохотным фонариком-брелком Рыжик посветил на запястье. Часики показывали без пятнадцати двенадцать, а разноцветная стрелка компаса под стеклом-каплей ничего не показывала, дергалась, как сумасшедшая. И Рыжику (глотая удары сердца и замирая) пришлось целую минуту ждать, когда она успокоится. Успокоилась, показала наконец, что все правильно. Синий кончик смотрел назад, красный вперед. Значит, юг – впереди! И там шоссе. Машины, люди, свет...

Но пока до тракта было почти двенадцать километров. «По-морскому примерно шесть с половиной миль, – машинально подсчиталось в голове у Рыжика. – Как от базы до Шамана...» Но там, под солнцем, под хорошим ветром, с надежным экипажем это час пути, а то и меньше. А здесь? Рыжик понимал, что путь по лесному бездорожью, в темноте, займет часа четыре. И эта ночная, полная черных деревьев и зарослей даль теперь вдруг словно распахнулась перед ним, ахнула, ужаснулась своей громадностью. Рыжик выключил фонарик – показалось, что свет привлечет каких-то существ. Не диких зверей (известно, что из здесь нет), а неведомых обитателей сумрака. Тех, кто подкарауливают городских, впервые оказавшихся в ночном бору мальчишек...

Очень захотелось опуститься на корточки, натянуть на голову подол свитера и заскулить, выпрашивая пощаду у таинственных жителей тьмы.

Рыжик не сел и не заскулил. Он сжал кулаки и снова замаршировал на юг.

...И он шел, шел, шел, цепляя плечами тонкие и толстые стволы. Долго ли? Сам не знал...

Сперва среди больших деревьев не было подлеска, только трава, она путалась в кроссовках. Иногда мягко хлестали по ногам папоротники. От них (а может, и не от них, а отовсюду) пахло бабушкиными лекарствами. А еще темнота пахла сосновой корой и ладаном – как в церкви, куда Рыжик изредка водил бабушку. И много еще чем – таинственным и неведомым...

Страх уменьшался...

Он, этот страх, теперь не сидел внутри у Рыжика, а был где-то снаружи. Не далеко, но и не вплотную. Можно было не думать о нем каждую секунду, пускай живет сам по себе. А еще к Рыжику постепенно приходило понимание: чтобы не бояться леса, надо сделаться его частью. Не вздрагивать, не замирать, а как бы раствориться в лесном космосе, стать вроде листика или мелкого цветка, что смутно светятся среди травы. Стать *своим*. Своего лес не обидит, не будет пугать. И он старался раствориться, втягивая лесные запахи и впитывая окружающую прохладу.

Правда, растворение, получалось не совсем. Что-то вдруг зашумело над головой, невидимо унеслось за вершины. Рыжик охнул, присел, с минуту обмирал на корточках и ждал, что сердце выпрыгнет сквозь свитер, укатится в папоротники. Потом сообразил: «Это, наверно, филин или сова... Ну, не баба же Яга, трус ты несчастный...» Однако думать про бабу Ягу (даже со словом «не») тоже было страшно. Тогда Рыжик решил укротить скачущее сердце. Если и не успокоить совсем, то хотя бы вогнать беспорядочное прыганье в ритм привычного барабанного марша. И он двинулся дальше, отмеряя шаги под мысленный «Марш-атаку»:

Р-раз... Р-раз... Раз-два-три и четыре...

Р-раз... Р-раз... Раз-два-три и четыре...

И дальше:

Тта-та-та та-та, тта-та-та та-та,

Тта-та-та та-та, та!..

Он даже ощутил в ладонях гладкие послушные палочки. И, снова отключась от страха, стал вспоминать на ходу, как сделался барабанщиком.

...Ну, конечно, не сразу сделался. Сперва учили. Видели ведь, *как* он смотрит на барабанный строй, и наконец командир Игорь Нессонов спросил:

– Хочешь попробовать?

– Ой... а можно? – выдохнул Рыжик, не веря чуду.

Сперва не очень получалось, но никто ни разу не рассердился. Никто не смеялся. Там *никто ни над кем* не смеялся, *никто никого* не дразнил. Не как во третьем "А", где «Прошка-головёшка», а то и похуже, или жалобные вопли Елены Филипповны: «Кандауров, где предел твоей бестолковости! Книжки читаешь, а слово !жираф» пишешь через "ы"!" В отряде никто в упор не замечал никакой бестолковости Рыжика. Даже когда она была у всех на виду. Например, когда он в сентябре запутался в стаксель-шкотах и швертбот чуть не лег парусами на воду. Или в другой раз, когда на «Тимура» налетел осенний шквал и случился такой крен, что Рыжик перепуганно взвыл и даже пустил слезу и потом опозоренно выбрался на причал из яхты, представляя, как его сейчас же погонят прочь за трусость, а рулевой Кирилл Инаков лишь похлопал его по спасательному жилету: «Привыкаешь, юнга, молодец. Скоро в капитаны...»

А с барабаном тоже не сразу наладилось. Оказалось, «инструмент» – штука тяжелая и бывает, что на ходу крепко бьет железным ободом по ноге (недаром у барабанщиков под левой коленкой вечные задубевшие синяки). И палочки не слушались, и марши не запоминались... Но это было всего два дня! А потом барабан полегчал, палочки сделались, как живые частицы рук. И Сережка Гольденбаум (который очень нравился Рыжику) сказал без всякой шутливости: «Рыжик, ты талант»...

Талант, не талант, а без барабана он теперь жить не сможет. Поэтому надо шагать.

Р-раз... р-раз... раз-два-три и четыре...

Затем размер строевого марша сменился на другой. На мелодию песни:

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали.
Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже...

Нет, про смерть все-таки не надо здесь, в темном лесу. Ну ее... Лучше вот эту, которую весной сочинил Словко:

На зюйд-весте в аккурат
Жил на острове пират —
Очень храбрый и душою очень пылкий.
Он всегда добыче рад.
Оснастивши свой фрегат,
В океане он вылавливал бутылки...

Словко замечательный человек... Интересно, не забыл ли он подкрутить колесо? Хотя времени-то прошло еще совсем мало. А если бы прошло много, он бы не забыл. Потому что надежный человек... Жаль, что они редко виделись в учебном году, а то может, и подружались бы поближе. Хотя вряд ли, Словко вон насколько старше, капитан... Но как бы ни было, все равно замечательно, что он есть на свете... А стихи и песенки Словко сочиняет на ходу, будто они сами из него выскакивают. Эту песенку, про пирата Бутылкина он придумал за полчаса,

для постановки на празднике Весеннего равноденствия. Аида Матвеевна его упросила. Она любит устраивать всякие праздники и представления, с ней интересно... Только почему она разрешила маме отправить его, Рыжика, в эту «Радость»? Или ей муж велел? Феликс Борисович какой-то непонятный человек. Тоже, конечно, добрый, но в отряде бывает редко, хотя и считается, что главный начальник. С ребятами разговаривает уважительно, однако всех не помнит по именам. Поглядел сквозь толстые очки, спросил о чем-нибудь, покивал и забыл... Зато говорят, что отряд за ним, как «под защитой тяжелого крейсера»... Ну и ладно. Главные люди все равно Корнеич и Кинтель. Рыжик сперва говорил «Даниил Корнеевич», а потом стал обращаться просто «Корнеич» и на ты. Как все. Потому что в «Эспаде» *традиции*. А Кинтель сразу был Кинтелем, и это даже не имя, а мальчишечье прозвище. Он и правда как мальчишка, хотя по годам совсем взрослый, двадцать пять уже. Он иногда подхватывает на руки таких, как Рыжик, вертит над головой: «Забросить на клотик?» Все, конечно, радостно верещат...

Мысли об отряде совсем отгородили Рыжика от лесных страхов. Он шагал машинально. Так же машинально отмахивался от комаров. Они боялись «Тайги» и не пытались укусить, но с налету иногда тыкались в лицо и в ноги...

Пока тянулся просторный бор с высокими и не очень частыми соснами, идти был не так уж трудно. Однако все чаще стал попадаться сосновый молодняк. Сквозь него Рыжик пробивался напролом. Обходить заросли он боялся, чтобы не сбиться с пути. Двигался строго по направлению, которое он чувствовал у себя внутри, как натянутую струнку...

Но мелкие сосны – еще ничего. Иногда на пути вставал чаща смешанного мелколесья, и порой казалось, что сквозь нее не продрасться. Один раз Рыжик подумал, что прямо вот здесь, в этой черной колючей непроходимости он так и сгинет на веки веков. Тогда он, по правде говоря, всхлипнул. Но... решил все-таки, что сгинуть можно и позже, а пока надо пробиваться. И он... пустил впереди себя колесо.

Вот так! Сперва пощупал под свитером, на суровой нитке, оловянное колесико-талисман, потом он мысленно снял с упоров большое колесо, поставил перед собой и толкнул махину вперед... Колесо было здесь только в его фантазии, а на самом деле оставалось дома, между бревенчатой и кирпичной стенами, но... все же *оно было*. И Рыжику показалось, что оно затрещало впереди, проламывая для своего друга узкую просеку. И просека эта вдруг вывела Рыжика на дорогу!

Он не сразу понял, что это дорога. Сперва показалось – узкая проплешина. Потом увидел, что верхушки елок и осин расступились над головой и открыли в небе щель, уходящую далеко вперед. А подошвами нащупал рыхлые песчаные колеи – судя по всему, от деревенских телег.

Рыжик не помнил этой дороги на карте. Наверно, была она такая незначительная, что ее не стали наносить туда. Ну и ладно! Главное, что колеи и светлая щель в небе вели прямо на юг! Рыжик весь затеплел от радостного прилива сил. Земля между колеями была твердая, поросшая упругой травкой, и Рыжик зашагал по ней, как по городскому газону.

Здесь не было той тьмы, как в лесу, за спиной у Рыжика ртутно светило июньское небо. Впереди оно было темнее, зато там дрожала желтая звездочка...

По обочинам смутно белели ромашки. Травяные запахи пластами лежали над дорогой. Плохо только, что комары в этих пластах чувствовали себя, как дома, изрядно обнаглели. Но, может, они просто поторапливали мальчишку?

Конечно, этот лесной проселок был для Рыжика подарком судьбы. Ого, сколько он протопал по нему! Если бы то же расстояние пришлось ломиться через чащу, неизвестно, когда бы он вышел к шоссе (да и сумел бы выйти вообще?).

Наконец Рыжик спохватился: он же понятия не имеет, сколько времени шагает по лесу и дороге. Полчаса, час, два? Снова посветил на циферблат. Оказалось, что... всего две минуты! Там были цифры: 11.47! Рыжик тоскливо уставился на часики. Как же так? Неужели он в самом начале пути, а бесконечное лесное странствие просто привиделось ему? От страха и темноты?

Он смотрел, смотрел... Новая цифра не выскакивала. И наконец Рыжик понял, что часы стоят. Видимо, села батарейка. Жаль, конечно, но и... облегчение в душе: значит, прошел уже немало. И что еще хорошо: стрелка компаса, подергавшись, подтвердила – проселок ведет правильно.

Появился еще один признак, что времени прошло достаточно: внутри зашевелилось желание, которое обычно начинает беспокоить под утро. Можно было освободить себя прямо на месте, но Рыжик (словно кто-то мог видеть) стеснительно подошел к толстому стволу на обочине и лишь там сделал свое дело. При этом неосторожно забрызгал ноги. Комары почему-то приняли брызги за отмену блокады и, окончательно наплевавши теперь на «Тайгу», принялись беспрерывно втыкаться в ноги и щеки. Рыжик сорвал длинный травяной стебель и отмахивался на ходу. В настырности комаров была и хорошая сторона: когда они жалятся, уже не до страха.

Ну, не совсем «не до страха», но все-таки...

Плохо только, что дорога круто повернула вправо.

Рыжик не стал поворачивать по ней. Он знал, что путь его строго на юг. И шагнул с обочины опять в лесную тьму.

Снова потянулся высокий бор, где не было вредных, цепляющихся за свитер кустов. Но скоро путь пошел под уклон, бор опять сменился мелколесьем. Правда не таким густым, как прежде. И сразу посветлело. А над верхушками берез и елок, выше набирающей силу зорьки, Рыжик увидел узкий неяркий месяц. Он был похож на мальчишку, который проснулся раньше всех, вышел на крыльцо и смотрит вопросительно: когда будет солнышко? Рыжик обрадовался месяцу, словно встретил Сережку Гольденбаума... ну, или еще кого-то из своих. Заулыбался ему, с удвоенной силой замахал на комаров. Снова натер себя «Тайгой». Это не помогло (наверно, у злыдней-комаров на «Тайгу» выработался... как его... им-му-ни-тет). Ну и фиг с ними! Настроение все равно подскочило, как перед праздником. Вперед! Ноги чесались от укусов и ныли от усталости, но все равно вперед!

Такой «вперед» привел Рыжика в ложбину, где его облепил густой белесый туман. Но это оказалось не страшно. Пушистое влажное касание тумана было даже приятным. В слоистых сумерках, где едва различались ближние березки, жила таинственность, но не пугающая, а как в фильме «Ежик в тумане». «Ежик в тумане», «Рыжик в тумане», – думалось Рыжику, когда он путался ногами в стеблях какой-то ползучей травы (зато комаров здесь почти не было). Он даже пожалел, когда низина с туманом кончилось. Опять кругом были разные мелкие деревья с чащей между стволами. А сквозь эту чашу, справа, вдруг ударили лучи!

Вот и всё! Вот и конец страхам ночи! Теперь казалось, что их было не так уж много. И даже налетевшие снова комары не могли теперь убавить Рыжину радость. Стало ясно, что дальше все будет замечательно. И слова «солнечная радость» означали сейчас именно себя, а не оставшийся за черным лесом тоскливый лагерь.

За мелколесьем опять встали высокие стройные сосны. Но это был уже не ночной бор, а утренний, ни капельки не страшный, потому что его весело протыкали длинные горизонтальные лучи. Сначала малиновые, потом золотые. На соснах вспыхивал медный блеск. Рыжик услышал, что вокруг нарастает птичье разноголосье. И тут же понял, что до тракта совсем недалеко. Сквозь птичье вскрики и посвисты он различил шум тяжелого мотора и шелест шин (наверно, междугородный фургон). Оставалось пройти совсем немного...

У самого тракта лес учинил мальчишке последнее испытание. На опушке тянулся вал сухого валежника. Длинный, не обойти. Рыжик вторично потрогал под свитером крохотное колесико и представил колесо-великана. Однако тут же понял: теперь колесо не поможет, не пробиться ему (и Рыжику) напролом. Цепляясь свитером и обдираясь, Рыжик полез через эту трехметровую баррикаду по верху. Несколько раз провалился среди ломких сучьев, поцарапал ухо. Но все же выбрался к широкой асфальтовой полосе. Перешел поросший росистым кле-

вером кювет и оказался у столба. На столбе голубела табличка с белыми цифрами. С одной стороны – 339 с другой – 32. Тридцать два – это до Преображенска.

Рыжик потрогал поцарапанное ухо и подумал: «А что же дальше?»

3

Солнце светило вдоль шоссе. Машин почти не было. Только проехали в разные стороны пыльная «лада» и неторопливый рейсовый автобус (наверно, издалека). Впереди «лады» и позади автобуса ехали по асфальту длинные тени.

Который же час?

Рыжик знал, что солнце встает около пяти. Скорее всего, сейчас начало шестого. Если он попросится в какую-нибудь машину (и если его возьмут), у базы он будет еще до шести. И что там делать? Да и ворота заперты...

Надо там оказаться не раньше девяти, к этому времени приезжают ребята. И Корнейч. И Кинтель...

А что они скажут?

И впервые Рыжика тряхнул холодный страх. Не тот, что в ночном лесу, совсем другой и более сильный. Даже дышать стало трудно. А если они скажут: «Какое право ты имел убежать? И сюда приходить без спроса! Кто тебя звал?» Посадят в машину – и обратно в «Солнечную Радость»! Потому что ведь он в самом деле не имел права! И Корнейчу, и другим взрослым на базе может за него попасть!

На пути через темный лес такие рассуждения не появлялись. Там главное было – преодолеть сумрак, ночной страх и километры... А теперь...

Но эти мысли вдруг расплылись, растворились в навалившемся утомлении. Рыжик почувствовал, *как* он устал. Ноги стонали и подгибались, спина гудела. Даже нагнуться и почесать искусанные икры было трудно. Голову, словно ватными слоями, окутала сонливость. Рыжик посмотрел на траву. Она была в искрящихся каплях росы, вмиг промокнешь до костей. Вот если бы здесь нашлась какая-нибудь скамейка, чтобы прилечь и... А еще – что-нибудь вроде старого мешка, чтобы укрыться от утренней зябкости...

Не было ни скамейки, ни мешка. Но совсем рядом Рыжик увидел в траве картонную коробку с откинутыми клапанами (скорее всего, от телевизора). Наверно слетела с грузовика, который вез на свалку мусор. Большущая была коробка, размером с конуру, в которой живет на базе сторожевой пес Боцман, приятель всех ребят...

Коробка оказалась тяжелой, но пустой. Рыжик, постанывая от усталости, путаясь в мокрой траве, оттащил ее подальше от дороги, к кустам, что росли рядом с валежником. Повернул дном к дороге, крышками к мелким осинкам. Забрался, затворил за собой картонные клапаны. Съежился. Пахло в темноте старой бумагой и стружками. И сделалось... да, уютно. Потому что теперь это был его, Рыжкин, дом. И никто его здесь не найдет, не потревожит. Рыжик лег на бок, свернулся калачиком, потер скользкие от росы коленки, натянул на них подол свитера. Прочесал друг о дружку ноги, сунул под щеку ладони...

...И сразу показалось, что он у себя дома. В бабушкиной комнате, где он прилег на застеленный ватным одеялом сундук, потому что набегался за день. И пахло уже не мусором, а бабушкиными лекарствами и ее одеялом. И бабушка (которая на самом деле прабабушка) сейчас подойдет, коснется невесомыми пальцами ершика на его голове: «Эх ты, Прошка-Ерошка...» Это единственная дразнилка, на которую он не обижался. Потому что не дразнилка, а ласка...

Рыжик понял, что соскучился по бабушке. Хотя раньше, бывало, злился на нее за беспомощность, забывчивость, непонятные и пустые вопросы, которые она выговаривала впалыми жующими губами: «Ну так что, Прошенька-горошенька, как ты там?» Он дергал плечом. Непо-

нятно было: что «что», что «как»? Ей, видать, просто хотелось поговорить, а ему было некогда...

А мама, наверно, не любила бабушку за другое... Ну, что значит «не любила»? Не обижала ведь, грубо не разговаривала, помогала, когда надо. Но с какой-то внутренней напряженностью. И бабушка старалась сделаться совсем незаметной... А причиной маминой нелюбви к бабушке был отец, он пять лет назад оставил их всех, уехал куда-то – и с концом. «Потому как водка для этого господина – самое главное», – иногда вырывалось у мамы. Да, он был такой, Рыжик помнил... А когда он исчез, виноватой осталась она, отцовская бабушка. Виноватой еще и просто потому, что есть на свете.

«А ведь мама ждет, когда бабушки не станет», – понял сейчас, во сне, Рыжик. Наверно, и дядя Толя, новый мамин муж, этого ждал. Хотя он был неплохой, Рыжика не обидел ни разу, книжки дарил, с бабушкой разговаривал очень вежливо, но все равно... ждал. Тогда можно будет быстро избавиться от дома-развалюхи, обзавестись новой квартирой и жить «как все люди».

«Нет, не смейте!», – сказал Рыжик, словно заслоняя бабушку. Сказал, конечно, все в том же сне. Сон окутывал его плотно, укачивал, выстраивал и рассыпал разные картины. Вертелось большое колесо (значит, Словко все-таки раскрутил его). Привиделся опять ночной лес, где множество неразличимых сов проносились у самого лица. Рыжик не боялся, только отмахивался... Затем на просветлевшем небе выросли корабли с очень белыми парусами. Это были не маленькие «марктовены», а громадные фрегаты, вроде учебного корабля «Мир», который недавно показывали по телеку. Они очень долго плыли по сну Рыжика, будто по бесконечному бледно-синему морю...

Иногда по коробке постукивал дождик, и от этого сон делался еще уютнее.

А потом Рыжик увидел барабанщиков «Эспады». Они стояли на берегу и желтыми, солнечными, палочками играли для Рыжика марш «Паллада» – такое приветствие. Но смотрели куда-то мимо него, поверх головы. И поэтому Рыжик не чувствовал радости. Прямо из воздуха возникла Аида Матвеевна – еще более пышная и растрепанная, чем наяву. И улыбчивая. Она радостно сообщила: «Ребята! Наш барабанщик Рыжик большой герой. Он прошагал через всю тайгу и появился здесь, чтобы принять участие в главных гонках. Молодец!.. Но мы не можем допустить его к гонкам, потому что он нарушил Конституцию и сбежал из лагеря. За это мы обязаны исключить его из „Эспады“ и оправить обратно в „Солнечную Радость“, а там его посадят на цепь и будут держать в картонной коробке до конца смены...» Тут Рыжик увидел, что улыбка у нее деревянная. А Корнейч и Кинтель стояли рядом, но, как и барабанщики, смотрели мимо...

Рыжик застонал от горя и проснулся. Подошвами вытолкнул картонные клапаны. Сразу все вспомнил. Пятясь, выбрался из коробки, встал. Ноги и спину ломило. В горле было сухо. Надоедливо, хотя и не сильно зудели комариные укусы.

А солнце было высоким и ярким. Машины проносились по тракту одна за другой, разноцветные, блестящие. Рыжик, заплетаясь во влажной траве, сходил за березку (чтобы с дороги не увидели, чем он занимается). Вернулся к коробке (будто к дому). Разглядел среди клевера лужу – наверно, осталась от недавних дождей. Вода была коричневатая, в ней плавали сухие травинки. Рыжик с удовольствием умылся. Хотелось пить, но это дело было рискованное: мало ли какие здесь микробы. «Потерплю», – сказал он себе.

Рыжик попрощался глазами с коробкой. Ближе к дороге стоял столб с числом 32 на синей табличке. Рыжик посмотрел на него, как на хорошего знакомого.

От солнца, от умывания (и от этого вот столба) Рыжику стало веселее. Как бы то ни было, а он одолел главную часть пути. Осталось немного. И опять стало казаться, что все кончится хорошо.

Рыжик встал на обочине. Машины пронеслись со свистом и шорохом. Никогда в жизни Рыжику не приходилось «голосовать» на дороге, проситься к кому-то в попутчики. Он знал, что надо поднять руку и ждать: когда найдется добрый человек?

Люди – они бывают всякие. Рыжику казалось, что проситься в блестящие «вольво» и «тойоты» нет смысла. Наверняка в них едут всякие сытые богачи, «новые русские». А вот какой-нибудь пенсионер или небогатый дачник в помятой «шестерке» или «оке», наверно, пожалеет одинокого мальчишку в рыжей истрепанной одежде.

Скоро он увидел как раз такую «шестерку» – пыльную, с трещиной на стекле. Но машина проскочила, как снаряд, а за трещиной мелькнуло насупленное небритое лицо... Зато серебристый длинный автомобиль затормозил!

Он затормозил не сразу, проскочил сперва следом за «шестеркой», но вдруг сбавил ход, встал, поехал обратно. Рядом с Рыжиком распахнулась отразившая лучи дверца. «Значит, руль правосторонний», – мелькнуло у Рыжика. А что за марка у машины, он не разглядел. У водителя было круглое добродушное лицо. Гладкое, но уже не молодое. А голос не сердитый, со смешинкой:

– Далеко собрался, путешественник?

– В город... – выговорил Рыжик. В горле заскребло от робости и от сухости.

– Ну, грузись... – Мужчина перегнулся через спинку, открылась задняя дверца.

И Рыжик, стукая ногами о металлическую кромку, животом вперед погрузился на очень мягкий кожаный диван. Завозился, сел. Выпрямился. Но тут же его откатнуло назад – поехали.

Хозяин иномарки смотрел на Рыжика из продолговатого зеркальца. Внимательно так...

– Издалека ли путь держишь, юноша?

История про грибы, про то, как заблудился, вылетела из головы. То есть не вылетела, а показалась абсолютно глупой. А еще... вдруг мелькнуло предчувствие (вроде приметы, что ли): если он, Рыжик будет врать, все кончится плохо. И он сказал прямо:

– Издалека. Из детского лагеря...

Мужчина поднял брови.

– Во как! И тебя отпустили одного?

– Я не спрашивал... – Рыжик отвел глаза от зеркальца и стал смотреть на летящую мимо зелень.

– Во как... – сказал опять водитель. – Значит, худо пришлось? Бежишь от дедовщины?

– Нет... – опять с хрипотцой выговорил Рыжик. – Я... даже и не бегу. Мне надо по важному делу. К друзьям.

Взгляд водителя стал озабоченным.

– Однако же... Если действовать по закону, я должен сдать тебя властям. Не так ли?

Рыжик понял, что на ходу не сможет выскочить из машины.

– Не надо сдавать! – Голос его от отчаяния сделался чистым и резким. – Я же не прячусь! Я на водную станцию, там наши яхты! И там взрослые... командиры... Они решат, что делать.

Водитель раздумчиво шевелил бровями.

– А база на краю города! Это совсем по пути, сами увидите! – с тем же звоном добавил Рыжик.

– Ну, если так... – отозвался водитель. И... улыбнулся. Может, для того, чтобы беглец все же не попробовал сигануть из кабины на полной скорости.

Потом они молчали. Только шуршал за стеклами воздух, а встречные машины как бы взрывались рядом... Рыжик впервые ехал в таком просторном и мягком автомобиле. «Прямо как в самолете», – подумал он, хотя в самолете тоже не бывал. Он подвинулся к середине пухлого дивана, чтобы разглядеть руль и панель. И среди всяких циферблатов увидел часы.

«Ой... Ой-ей-ей-ей... Это сколько же я спал...»

На часах была половина двенадцатого.

А что такого? Он спал в коробке – после долгого лесного, бездорожного пути, после страхов и усталости – даже меньше, чем положено спать ночью обыкновенному мальчишке в обыкновенной постели. Где-то часов шесть. И зато теперь сна не было ни в одном глазу. Но... опять стал подкрадываться страх. Тот, что ранним утром на обочине: «А что же будет?» И сделался еще сильнее, чем тогда, резче. В нем почти не осталось надежды. Вдруг пришло полное понимание: «Отправят обратно, вот и все...» И чуть не хлынули слезы. И хлынули бы, но за левыми стеклами вдруг помчались проблески синей воды. Конечно же, это начиналось Орловское озеро! Все как на карте!

– Уже скоро! – дернулся Рыжик. – Вот... уже сейчас... это наши места...

И правда, промелькнули трехэтажные дома знакомого Мельничного поселка, дорога сделала поворот, и сразу слева появились распахнутые ворота с якорями на железных столбах. За воротами мелькали, как бабочки, оранжевые рубашки.

– Вот! Здесь!..

Машина свернула с дороги. Водитель опять потянулся через спинку, нажал ручку задней двери...

Ну, а что дальше, уже известно...

Календари

1

Восьмерых (в том числе Рыжика и Нессоновых) забрали с базы каперанг Соломин и Кинтель – на своих машинах. Остальные, как обычно, пестро-оранжевой толпой отправились на трамвай. Остановка была в сотне метров от ворот с якорями. Корнеич двигался с ребятами, пешком. Его тяжелый вишневый мотоцикл весело толкали сзади. При этом, хихикая, вспоминали стихи про цыган, которые «в мороз толкают... паровоз». Ольга Шагалова говорила «бесовестные», хотя ни одного нехорошего слова в стихах не звучало.

Корнеич дождался, когда весь народ «упакуется» в старинный красный вагон (такие вот ходили по этой окраинной ветке) и помахал вслед. За ребят он не опасался. Во первых, с ними был старший – пятнадцатилетний Равиль Сегалов, флаг-капитан и по сути дела уже младший инструктор. Во-вторых, кондукторши на этом маршруте давно привыкли к ребятам из «Эспады» и никогда не придирались: знали, что «оранжевый народ» платит исправно...

Корнеич устроился в седле и газанул. Поехал он, разумеется, не домой. Хотя Даниил Корнеевич Вострецов числился в отпуске, служебных забот хватало. Например, недавно сотрудники епархии (люди эрудированные и дотошные!) раскопали документы, по которым двухэтажный особняк на улице Рылеева – бывшей Княжеской – в девятнадцатом веке принадлежал якобы Православной церкви. То ли там проживал тогда какой-то церковный чин, то ли располагалась гостиница для паломников. И, мол, на этом основании было бы справедливо вернуть собственность прежним владельцам. А сейчас в доме находился отдел редких книг и нумизматики, то есть учреждение из числа подведомственных господину Вострецову. И господин Вострецов ехал в областное министерство культуры (иначе – Комитет по делам культуры, сокращенно "Комкульт"). Там предполагалась встреча с представителем епархии для обсуждения вышеупомянутой проблемы.

Представитель был молод, с довольной короткой стрижкой и профессорской бородкой. Шелестел шелковистой рясой. Назвал себя отцом Александром. Держался предупредительно, говорил мягко. Даниил Корнеевич в своей штурманской куртке, тельняшке и мятых джинсах, со взъерошенной бронзовой прической, явно проигрывал в глазах дамы по имени Оксана Эдуардовна. Дама занимала должность одного из многочисленных заместителей областного министра и призвана была выполнять роль посредницы при переговорах.

Отец Александр выложил бумаги. Даниил Корнеевич подверг сомнению достоверность документов, а также их юридическую состоятельность. Некоторое время шла полемика на вежливом, прямо академическом уровне. Оксана Эдуардовна поощрительно улыбалась, ей было любопытно.

Затем Даниил Корнеич пятерней прошелся по волосам и сказал отцу Александру, который был явно моложе его:

– Батюшка, ну на кой шут вам этот дом? Возрождение духовности великое дело, но вы там у себя понимаете его, на мой взгляд, несколько однобоко. Библиотеки и хранилища раритетов тоже служат воспитанию души. Вы и так уже вытряхнули музеи из нескольких помещений. К тому же и строите немало. Вон какие корпуса на площадях епархии. И храмы растут чуть не на каждом углу. Может быть, есть смысл сохранять какую-то... пропорциональность?

– Что вы имеете в виду, Даниил Корнеевич? – благожелательно осведомился отец Александр.

– Построили бы несколько приютов для бездомных пацанов. Очень богоугодное дело...

Отец Александр покивал:

– При женском монастыре есть приют для девочек. А в городе широко известная православная гимназия.

Корнеич сказал сдерживаясь:

– Гимназия ваша – элитарное учреждение. А в приюте три десятка воспитанниц. В стране же четыре миллиона беспризорников...

– Ну, Даниил Корнеевич, не надо преувеличивать, – мягко укорила его Оксана Эдуардовна.

– Я не преувеличиваю! От четырех до пяти миллионов. Это не мои цифры, их привел в интервью писатель Приданов, советник президента. Полагаю, он владеет статистикой...

– Да, но... мы сейчас обсуждаем другую тему, – вышла из положения Оксана Эдуардовна.

– Я полагаю, дальше обсуждать ее не имеет смысла, – скучным голосом сообщил Корнеич. – Музейный совет добровольно дом не отдаст. Можно, конечно, поступить испытанным способом. Таким, как с самодеятельным театром «Друзья», который выкинули на асфальт, чтобы отдать помещение игорному дому «Золотая фишка». Молодчики в масках действовали умело. Боюсь, однако, что с нами это дело не пройдет...

– Даниил Корнеевич! Ну, право же... – Голос «замминистра» обрел тональность классной дамы, укоряющей первоклассника. – Всем известна категоричность ваших суждений и некоторый... м-м... экстремизм методов, но мы же собрались не для этого...

– Мы совершенно не мыслим прибегать к помощи молодчиков в масках, – с прежней мягкостью сообщил отец Александр. – Должно иметь место полюбовное соглашение...

– Рад слышать. Однако не вижу пока почвы для такого соглашения, – уже светским тоном отозвался Корнеич. – А за сим... если ко мне больше нет вопросов, я попросил бы позволения отправиться по другим делам...

Из «Комкуля» Корнеич поехал опять же не домой, а по книжным магазинам. Причем не только центральным, но и на окраинах. А после заглянул еще к Нессоновым – «для спокойствия души». То есть убедиться, что беглец Рыжик Кандауров принят и пригрет этим семейством. Оказалось, что да, принят и пригрет. «Два или три сорванца – какая разница? – сказала мама Нессонова. – Тем более, что он самый спокойный и послушный из всех...»

– Может быть, это... какое-нибудь финансовое воспомоществование? – осторожно сказал старший флагман Вострецов.

– Побойся Бога, Корнеич! – басом отозвался усатый, похожий на старинного кочегара (а на самом деле известный в городе фотомастер) папа Нессонов. – Что за ахинею ты несешь! Будто не прокормим такую кроху...

Дома Корнеич оказался только в восьмом часу.

Озабоченная Татьяна изложила мужу новости за день. Последняя новость была:

– Изволили приехать Сергей Евгеньич Каховский...

– Наконец-то!.. Кстати, почему вы все кличете его Евгеньичем, если он Владимирович?

– По привычке. У него же было прозвище «Евгеньич», студенты в Херсонесе ему приклеили, а потом и в отряд просочилось. Сам знаешь...

– Несolidно. Научный деятель, а ему то и дело отчество на кличку переделывают. Кстати, где он?! Куда звонить?!

– Никуда. Он сидит на кухне и пьет чай.

– Уже не пью. Вот он я... – Сергей Владимирович возник в дверях.

Они облапили друг друга.

Потом отодвинулись, глянули: кто какой стал? Ведь не виделись-то... елки-палки сколько!

Каховский был выше на полголовы. Поблескивали залысины. Сияли хрусталем «академические» очки. На щеках и подбородке – аккуратная модная щетинка, в ней редкие седые волоски.

- Э, да у тебя животик, батенька, – заметил Корнейч.
- По чину положено. Как-никак научное светило, хотя и не первой величины. Профессор, доктор и прочая...
- Подумаешь, чин! У меня он тоже имеется кой-какой, а живота пока не заметно.
- Потому как ты всю жизнь на мотоцикле, на боевом коне в прямом и переносном смысле. А я все больше на машине или в кресле...
- А твои экспедиции?
- Это, друг мой, в прошлом. Я теперь кабинетный деятель...
- Пфы, – сказал Корнейч тоном Данилки Вострецова.
- Ничего не «пфы»! Не суди, не вникнувши... Слушай, Осенняя Сказка, а где твои веснушки? В прошлый раз еще просматривались?
- Под загаром и налетом порохового дыма...
- Вы бы сели, – сказала Татьяна, – пока я там на кухне...
- И они рядом плюхнулись на охнувший диван (сверху покривилась на полке пластмассовая модель клипера «Катти Сарк»).
- Давай по порядку, – велел Корнейч. – Ты надолго?
- Пока не знаю, проживу. Стариков не видел целую вечность. Тетя Галя вцепилась в меня: "Никуда не пушу раньше августа. Отец тоже..."
- Я такая скотина, не звонил им с весны. Здоровы?
- Более или менее. Как говорится, адекватно возрасту...
- А семейство?
- Я купил халупу недалеко от залива. Наталья теперь по уши в дачных заботах, сбылась мечта... Сашка закончил девятый, вроде бы помогает сейчас матери, поскольку из меня дачник никакой. Я специально сбежал от сельских работ...
- А Катя?
- О! Катерина сделалась девицей на выданье, боюсь, к тому все идет...
- Чего бояться-то? Дело житейское...
- Оно так. Только избранник у нее какой-то...
- Не тебе с ним жить, – хмыкнул Корнейч.
- Опять же оно так... Только не случилось бы потом: «Папа, мама, он оказался совсем не такой!.. А это ваш внучек...»
- Посмеялись.
- А Роман что? – спросил Каховский. – Они ведь с Сашкой одноклассники? Капитанит в отряде?
- Если бы!.. Прошлой весной объявил себя в почетной отставке, поскольку, мол, все отрядные премудрости превзошел, а для инструкторства нет таланта. Правда, зимой вел с новичками занятия по фехтованию... Куча увлечений и планов. Морское училище уже презрел. Теперь знаешь что? Авиационный институт и не просто так, а дирижаблестроение...
- Ну... а чем плохо?
- Да если бы всерьез. А то ведь завтра скажет: хочу в артисты. Или, например, в спелеологи...
- Лишь бы не в чиновники... – вздохнул Каховский.
- Чиновники нужны. Они основа нации, – заявил Корнейч (и вспомнил Оксану Эдуардовну).
- Да, но не в таком количестве... А что, «основа» эта жрет отряд по-прежнему?
- А вот и нет! Потому как новое руководство умеет строить отношения...
- Что за новое руководство? – Каховский чутко уловил «не ту» интонацию Корнейча.
- Да, ты же не в курсе... Олег Петрович Московкин, дорогой наш друг и наставник, полтора года назад сделал нам подарок. Познакомил меня с некими супругами Толкуновыми.

Педагогами, бывшими стройотрядовцами, активистами коммунарского движения и прочая, прочая. Ныне – преподавателями педвуза и разработчиками методических новшеств. Ну... прекрасные люди. Умелые, с ребятами ладят вполне, с городским начальством еще лучше... Я им потихоньку и передал бразды. Потому что почти весь прошлый год и эту весну пришлось мотаться по границам...

– Во как!

– Да... Сперва наш Музейный совет получил гранты... А я ведь как-никак зам. директора кустового управления музеев области. По исторической и краеведческой линии... Ну и сперва учеба в Германии, потом похожие дела в Варшаве. Затем снова в Германии, уже по медицинской линии...

– А что такое? – сразу напрягся Каховский.

– Ну, протез-то... Здесь какой ни смастерят, все как липовая нога. «Скырлы, скырлы...» А в Германии это умеют, я там разузнал. Только оказалось, таких денег стоит, что я сперва лишь руками замахал. Однако узнали про это наши ребята. Ну, те, кто нынче в бизнесе и промышленности. Гарц, Ткачук, Самойлов, потом еще несколько тех, кто были у меня в восьмидесятых... Скинулись. Я сперва отбрыкивался, конечно, а они... ну, знаешь ведь капитанскую братию... В общем, теперь танцую, как Наташа Ростова на первом балу... Только танцы танцами, а в отряде... Возвращаюсь однажды, а в штурманском классе вместо планшетов и тренажеров – горшочки с цветами и палас на полу. Комната для медитаций и психологического практикума. Это мадам Толкунова, педагог-психолог, развернула свою программу... Теперь многое, что касается парусов и клинков, приходится начинать с азов...

– Не все, наверно, так мрачно... – осторожно заметил Каховский.

– Не все... Начальник базы теперь свой человек, это во многом упрощает дело...

– Да, Митенька это находка для нынешней «Эспады», – согласился Каховский. – Кстати, я ему только что позвонил, он сказал, что придет к восьми. Надеюсь, ты не против?

– Ну, вопросик...

– Звонил и другим нашим, но никого в городе нет...

– Лето же. Кто в отпуске, кто по делам мотается. Ткачук в Японии, Стаська Грачев где-то в море, еле вырвался от арабов, они арестовали их сухогруз будто бы за контрабанду...

– Да, я читал... А еще придет наш юный друг Даня Рафалов, он же Кинтель...

– Куда же без Кинтеля, – покивал Корнеич. – Только не такой уже юный. Двадцать пять мужику. – Не дай бог женится, останусь без помощника...

– Тебе вот женитьба не помешала...

– Да. Но не все такие, как Татьяна...

Татьяна оказалась легка на помине:

– В комнате будете или на кухне?

– На кухне, на кухне, – засуетился Каховский. – Как в прежние времена...

– Только еще Каперанг и Кинтель заглянут, – слегка подлизываясь, сообщил Корнеич. – Ты учти там с тарелочками...

– Проинформирована уже, – вздохнула Татьяна и удалилась.

– Кстати, а как это Каперанг возник в нашем сухопутном городе? – вдруг озабочился Каховский. – Я не в курсе.

– Темная история... Темная не в смысле таинственности, а в смысле пакостности. Одна из многих в цепи, где «Ка-девятнадцать», «Курск» и прочие «подводные события». Тоже показательная... Дима командовал старой лодкой, которую давно следовало пустить на металл. Ну и пришло время: командира на новую должность, лодку в доки вторчермета. Надо переговорить. А ее страшно от стенки отвести, сплошной утиль. Командир Соломин, тогда еще кавторанг, докладывает: лодка не готова выходу. На него там в несколько голосов: «Не рассуждать, исполнять!» Ну, нашла коса на камень. Командование вопит: «Вы трус, вы срываете задание,

не исполняете приказ!» А наш тихий скромный Дима: «Приказ преступен, я не стану рисковать людьми». И вдобавок: «Вам что, мало прежних историй?»... За это дело его на берег. Начали обследовать лодку, сообразили – в самом деле не корабль, а ржавый музейный экспонат. Решили тянуть на буксире, назначили аварийную команду, несколько человек, в том числе кое-кого из прежнего экипажа... На полпути лодка – на дно. Двух человек не нашли... Начальство опять в крик: «Это вы довели до такого состояния корабль!» Хотя он докладывал об аварийности чуть не каждый день... Конечно, следствие, всякие взыскания, и – в ссылку. Начальником школы по подготовке допризывников для флота...

– А почему же он теперь капитан первого ранга?

– Потому что вскоре разобрались. Выговоры отменили, даже присвоили новое звание. Но... оставили на прежнем месте службы. Возвращать в действующий флот – себе дороже, строптивых не любят нигде... Сперва он переживал, конечно, потом втянулся в здешние дела. К тому же – свадьба наконец, потом сын Егорка, великолепный парень... Ну и вот...

– Ага! – привстал Каховский, услышав сигнал в передней. – Легко на помине...

Появились Каперанг и Кинтель...

2

Устроились на кухне, за шатким столом, который постанывал, пропуская за себя гостей.

– Корнейч, когда вы с Таней обзаведетесь кухонным гарнитуром из карельской березы? – сказал Кинтель. – Это скрипучее сооружение я помню с той поры, когда Салазкин впервые привел меня в сей гостеприимный дом...

Кинтель был самый молодой (так сказать, «человек третьей волны»), малость стеснялся Каховского и потому старался держаться очень непринужденно.

Таня – она ставила на клеенку салаты и селедку – сказала, что новой мебелью они обзаведутся к золотой свадьбе, не раньше. Корнейч посопел на манер барабанщика Данилки, которого уличили в излишнем легкомыслии. Каховский спросил:

– Салазкин, как я понимаю, это сын профессора Денисова? Где он теперь?

– В госпитале... – насупленно сказал Корнейч. – Давно уже...

– Давно уже не в госпитале! То есть целую неделю, – живо сообщил Кинтель. – Живет в Лебедеве, у сестер. Там же и мать с отцом... – И разъяснил специально для Каховского: – У него две замужних сестры, они обосновались на большущей старой даче и обитают там всем семейным кланом. Вдали от презренной цивилизации...

– Вы злодеи! – вознегодовал Корнейч. – Санька злодей потому, что до сих пор не зашел! А ты, потому что молчал!

– А он суеверный, – объяснил Кинтель. – Сказал, что ни у кого не объявится, пока не устроит дела с университетом.

– А почему он оказался в госпитале? – напряженно спросил Каховский: понимал, что узнает о неприятном.

Корнейч сказал угрюмо:

– С Кавказа доставили. Как писал Некрасов, «это многих славных путь»...

– Он же, по-моему, учился на философском... – Каховский снял очки и протирал их концом заграничного галстука. Смотрел исподлобья.

– Учился, – кивнул Кинтель. – Не то что я, лодырь... Он учился и получил диплом, хотя и поволянил с этим делом, потому как брал после третьего курса академический отпуск. По причине неудачных сердечных дел и увлечения посторонними науками... И все же поступил в аспирантуру... А в ту пору начались в нашем знаменитом университете имени Вэ Гэ Белинского всякие заварухи. Против каких-то там предвыборных фокусов, за повышение стипендий, за всякие студенческие права и за что-то еще... А Санечка, он же всегда за всемирную спра-

ведливость. Ему бы заниматься разработкой философских тем под сводами аспирантуры, а он – в первых рядах студенческой демонстрации. А костоломы со щитами и палками – на них... Оказался Саня в милиции, объявлен был одним из главарей. Дальше – бумага в университет. Начальство ему ультиматум: пиши покаянное заявление и называй настоящих зачинщиков, или катись... Саня сказал, чтобы катились сами в одно место, хлопнул дверью. Его из аспирантуры коленом под зад... И через две недели его сгреб, конечно, военкомат. Причем в рядовые, так как с военной кафедрой были у Санечки нестыковки, офицерского звания он не получил...

– Я в ту пору был на двухмесячной стажировке в Москве, ничего не знал, – с угрюмой виноватостью сказал Корнейч.

– Ага. А я в больнице, в состоянии вареного червя, – продолжал Кинтель. – Если бы Санин отец работал все еще в университете, может быть, всё бы спустили на тормозах. Но он тогда уже преподавал историю в школе...

– Да, я слышал, что у Александра Михайловича были неприятности, – отозвался Каховский. – Кажется, выступил против коллег-взяточников...

– Выступил... – с длинным вздохом выговорил Кинтель. Поморщился, потрогал затылок (давняя привычка). – Что папа, что сын – одна кровь... Папа оказался в школе, Саня в морфлоте. Причем, почему-то без всяких льгот, положенных людям с высшим образованием. Видать, кто-то специально варил эту кашу в отместку ему... Он, конечно, протестовал, писал рапорты, да толку-то...

– Что за сволочизм... – заметил каперанг Соломин.

– Ну да. А пока суть да дело, пока рапорты разбирали, попал Санечка в учебные казармы на острове Контрольном, на Дальнем Востоке. Ну и хлебнул там. Никакой морской романтики, только мордобой да объедки на обед... Вы уж простите, Дмитрий Олегович, но он так рассказывал...

– Чего прощать, дело известное, – глядя за окно, сказал Каперанг.

– ...А однажды является туда какая-то комиссия. Начинают агитировать новобранцев податься из «корабельных кадров» в морскую пехоту. Видать, у морпехов был недобор. Мол, и служба – сплошные приключения, и боевое братство там... Выстроили шеренгу, спрашивают: есть добровольцы? Салазкин наш со многими другими – шаг вперед. Вербовщики эти сперва прошли мимо, даже не глянули. Потому как щуплый и лицо профессорского мальчика... Однако один офицер вдруг вернулся, присмотрелся и говорит: «И вот этого еще, с зелеными глазами»... Так Саня рассказывал... И говорил, что потом, в учебке морского спецназа было не в пример интереснее и легче. Ну, не в смысле нагрузки легче, а по настроению... А через полгода вдруг набирают группу из самых отличившихся и говорят: «Значит, вот что, ребята, поедете в Чечню...» Ребята" на это дело без восторга. Мол, как же так? Даже в прошлые времена раньше, чем после года службы, туда не посылали, а теперь вообще срочников не отправляют. «И, – говорят, – мы кто, омововцы, что ли?» А начальство в ответ: «Ситуация там в одном месте особая, приходится делать исключение...» В общем, не поспоришь... Переодели ребят из черной формы в камуфляж, самолетом доставили в Грозный, оттуда на машине в какую-то заросшую местность – и сразу задача: по этой вот тропе пойдет группа боевиков, пленных не брать... Только никаких боевиков они не успели увидеть. Вдруг минометный обстрел, Саню шарахнуло так, что больше ничего и не помнил. Очнулся уже в плену...

– Господи Боже ты мой... – тихо сказала Татьяна. Она, слушала, стоя в дверях. Конечно, она все это знала раньше, но сейчас все равно страдала. И думала, наверно, не только о Сане, но и о Ромке.

– Три месяца провел в яме, – продолжал Кинтель. – Те, кто его там держал, думали сперва, что контрактник, они контрактников ненавидят пуще всех на свете... Потом поняли, что срочник, из ямы вытащили. Еще три месяца вкалывал он, как раб, у какого-то хозяина. Конечно, пытался бежать, не получилось... Потом какая-то масштабная зачистка там, освобо-

дили. Он еле живой был, сразу в госпиталь. Сперва в местный, потом сюда, поближе к дому... И больше никакой, конечно, армии... На той неделе пошел опять в университет, качать права, заполнил так называемый протестный лист, а в ректорате говорят: "Александр Александрович, зачем эти формальности? Мы зачислим вас обратно в аспирантуру просто по заявлению..."

– Странный либерализм, – хмыкнул Корнеич.

– Ничего не странное, – с удовольствием объяснил Кинтель. – Оказалось, там заместитель ректора по всем этим вопросам теперь Сергеевна Мотовилина. Анечка Выви-Зуб из экипажа «Тремолино» середины восьмидесятых. Мы с Салазкиным ее во флотилии уже не застали, она раньше нас там была, но потом как-то заходила к Корнеичу, заметила там мальчика с зелеными глазами и запомнила. И узнала сейчас... Саня быстренько уяснил ситуацию, еще больше набрался нахальства и говорит: «А в этом случае нельзя ли мне помимо всего прочего подать заявление на заочное отделение математического факультета? С учетом уже сданных дисциплин. А остальное я сдам дополнительно...» Оказалось, что можно и это...

– Елки-палки! – изумился Корнеич. – Сегодня день сенсаций. Понятия не имел, что Анютка в ректорате. А Санька... чего его понесло на математику?

– Непонятно, чего его понесло на философию! – живо заспорил Кинтель. – Я ему сразу говорил: «Зачем тебе это надо?» А он: «Философия – мать всех наук, математика же одна из многих...» А он же в этой «одной из многих» в девятом-десятом классе по уши увяз. Да и в студенческие годы. Вон сколько тогда контактил с Александром Петровичем, с Медведевым... А потом, в госпитале, когда я к нему приезжал, он рассказал... Говорит, когда в яме сидел, только тем и спасался, что делал в уме всякие построения. И развивал идеи... Ну, из тех математических хитростей, которые они с Медведевым обсуждали раньше... И как бы вернулся к корням. Вернее, «к истокам», сказал он...

– Тут вообще много странного, – как-то неохотно заметил Корнеич. – Непонятно даже то, что Саша Медведев, инженер-электронщик, забросил вдруг свое дело и ударился в чистую математику, переучиваться пришлось. Уж лучше бы не делал этого...

Помолчали. Так молчали всегда, если вспоминали братьев Медведевых. Генка Кузнечик, друг Каховского, погиб в Афгане. Старший брат его, математик Александр Медведев, умер два года назад в Мексике...

– Нет, не зря он пошел в математику, – глуховато сказал Каховский. – Много он вытерпел, но много и успел. Знаю по себе...

– Он много успел еще раньше, – строго напомнил Каперанг Соломин. – Когда после Олега тянул на себе «Эспаду». Больше десяти лет...

Помолчали опять.

– Поставить бутылку сухого? – понятиливо спросила от двери Татьяна. – Или будете водку пить?

– Гм... – дипломатично откликнулся Каперанг.

– Я тут привез одну бутылочку. Ахнете, ребята, – оживился Каховский. Дотянулся до подоконника, снял с него роскошный кейс, вынул засверкавший хрусталем сосуд. На этикетке серебрилось название «Балтийский ветер». Под названием распускал пузатые паруса и струил длинные вымпела фрегат петровской эпохи.

Татьяна только вздохнула у двери.

– Не охала бы ты, голубушка, а садилась бы с нами, – осторожно сказал Корнеич. – И стабилизировала бы состояние нервной системы, как любит говорить почтенная Аида.

– Стабилизируйте сами, у меня куча дел. Сейчас дам рюмки и пойду гладить белье... Даня, а ты...

– Я помню... – быстро сказал Корнеич.

3

Каперанг завладел «Балтийским ветром» и начал разливать по рюмкам.

– Мне половинку, – неловко попросил Кинтель. – Головушку берегу...

– А мне пока вовсе не надо, – виновато сказал Корнейч.

– Чего так, Даня? – удивился Каховский. – В прошлый раз ты вроде бы...

– Ну... так... – Корнейч посмотрел на дверь. – Обстоятельства... Я позже, когда вернется Ромка...

Все молчали вопросительно, и Корнейч нехотя объяснил:

– Этот обормот отправился с друзьями на концерт группы «Сигизмунд Кара», во Дворец спорта. И Татьяна заранее не в себе: не случилось бы чего. На таких сборищах это и правда случается, фанаты там всякие и тому подобное... Ну и... если что, придется, может быть, куда-то бежать, вытягивать за уши. При этом лучше не дышать спиртным в сторону представителей власти, сам станешь виноватым... Так рассуждает Ромочкина мама. Опыт показывает, что есть в ее доводах некая истина...

– Даня, ты и сам, по-моему, малость нервничаешь, – проницательно сказал Каховский.

– Пока нет. Буду после десяти, если этот... дирижаблестроитель не вернется вовремя.

Каперанг с грустью поставил бутылку.

– Долго не пробовать тебе балтийской «аква-виты»...

– Буду пока «Аква минерале». А вы давайте.

Они чокнулись (Корнейч – пузырящейся водичкой).

– За встречу, господа флагманы...

Пожевали, одобрили Татьянин салат с кальмарами и селедку под майонезом. Корнейч повернул бутылку этикеткой к себе.

– Не бойся, оставим, – улыбнулся Каховский.

– Не боюсь... Ты эту штуку вез из Петербурга?

– Оттуда, с берегов туманной Балтики...

– Сережа, а как тебя вообще занесло на эти берега? – спросил Каперанг, цепляя вилкой новую дозу салата. – Казалось, на всю жизнь окопался в Херсонесе.

– Ну, дорогие мои... когда-то мне тоже казалось. А потом стало ясно, что одним Херсонесом жив не будешь. Выявилась одна тема, которая... ну не надо, а то я заведу пластинку... Кроме того, ряд сопутствующих обстоятельств. Заграница там теперь... Да и осточертела грызня с одним старым оппонентом, который приходится мне дальним родственником и которого я звал в детстве дядей Витей. Тоже археолог... и большая сволочь, между нами говоря. Это я понял еще в свои двенадцать лет...

Каперанг и Корнейч покивали: мол, помним эту историю. Кинтель молча жевал салат, спрашивать считал невежливым. Корнейч (чтобы не думали, будто волнуется за Ромку), весело подцепил Каховского:

– Ну да, профессор, у тебя теперь другие масштабы. Вавилон и Теночтитлан, тибетские и египетские пирамиды...

– И крымские, кстати. Загадка из загадок... Но не в пирамидах дело...

– А в чем? – не удержался Кинтель.

– Ну... вы сами потянули меня за язык... – Каховский зашевелил плечами, сбросил пиджак, накинул на спинку стула. И... словно помолодел. Заблестел очками. – Если говорить кратко, дело в календарях. В тех, что находят при разных раскопках, в разных местах матушки-планеты. Казалось бы, вовсе они разные. Что общего у календаря на стене Софийского собора и знаменитого календаря ацтеков? Первый – вроде тюремной азбуки-бестужевки, второй – эта-

кое громадное каменное колесо с массой хитрых изображений... Или, скажем, круги на пшеничных полях. Очень похоже, что это тоже календари, спроецированные из космоса...

– Общего, наверно, много, – заметил Каперанг, снова звякая горлышком о рюмки. – Все они помогают разобраться со временем...

– Не только это, – мотнул головой Каховский. – Кстати, летоисчисления в разных цивилизациях были очень даже несхожие, а закономерности в календарях общие. Так и прут... Дело в том, что календари *несут информацию*. Крайне богатую и разнообразную, когда начинаешь расшифровывать...

– Была недавно статья в «Комсомолке»... – опять вмешался Кинтель.

– Совершенно верно, была! Очень интересная, с массой любопытных выводов. Я с ней почти согласен. Только... автор излагаемых там гипотез считает, что эту информацию вложили в календари некие инопланетяне. Для будущих жителей Земли... Возможно. В каких-то частностях... Но в общем и целом открываются такие вещи, что инопланетяне, если бы эти вещи обнаружили, так же, как и мы, зачесали бы в затылках...

– При наличии оных, – вставил Каперанг.

– Даже без наличия зачесали бы! – запальчиво возразил Каховский. Он все больше напоминал студента на диспуте о смысле жизни. – Потому что... Ну, ребята, мне трудно объяснить. Речь идет о причинно-следственных связях космического масштаба. О закономерностях, которую проявляет некая сила... Археологи это стали понимать раньше других. Например, когда открыли обсерватории Аркаима... А календари – это как иллюстрации таких вот законов... Я дубина в математике, ничего не могу объяснить, но, когда мне объяснял это Саша Медведев, я кое-что улавливал...

– Так вы *этим* и занимались вместе чуть не целый год? В девяносто восьмом, – нервно сказал Корнейч. – Когда он то и дело мотался к тебе в Питер!

– Ну, разумеется... Но меня-то всепланетная система календарей интересовала в первую очередь в историко-философском плане. Об этом я и написал потом свою «Правду о потерянном времени»... А Саша вдруг начал рыть эти проблемы со своей стороны. Уже «чисто математической лопатой». И скоро ахнул. Оказалось, все открытия с календарями укладывались в обоснование его собственной теории хронополя. В этой теории, как я слегка уразумел, сошлись и астро-физика, и просто физика, и квантовые премудрости, и чистая математика, причем весьма нетрадиционная... и философия... и, видимо, стала возникать какая-то уже новая наука. Судя по всему, она готова была нащупать множество решений в разных земных областях...

– И это вдруг кому-то очень не понравилось, – скучным голосом вставил Корнейч.

– Да почему? – удивился Каперанг. – Вроде бы чисто академические проблемы. Научная абстракция...

– Ха, – сказал Корнейч.

Каперанг отодвинул рюмку и спросил:

– Ты думаешь, поэтому в него и стреляли?

Тетрадь профессора Медведева

1

В профессора Медведева стреляли три года назад, у подъезда его дома, ранним февральским вечером. Когда он отпирал электронный замок.

То ли киллеры были без большого опыта, то ли заказчики не сказали им о профессоре всего, что следовало, но стрелки, видимо, думали, что он размазня-интеллигент. А профессор Медведев, заслышав мотор, спиной почувал – «не та машина». И сразу качнулся влево. Пуля ударила в железо над правым плечом. Вторая попала в кейс, где лежала тяжелая монография профессора Г.Адамса «Спирали бытия». Это когда уже Медведев – после мгновенного разворота – был в броске и прикрывал кейсом голову. Третий выстрел хлестнул вообще неизвестно куда. Медведев бросил кейс, двумя руками перехватил торчавший из-за опущенного стекла пистолет. Послышался хруст и вопль. Тяжелый «макаров» оказался у Медведева в руках. Машина взвыла, дернулась, помчалась вдоль дома. Медведев дважды ударил из пистолета ей вслед. Потом увидел съезженную старушку с детской коляской, вскинул ствол и третий раз, уже машинально, выстрелил вверх...

В милицию он позвонил прямо от подъезда, с мобильного. Прежде, чем отдать пистолет, Медведев при свете телефонного дисплея рассмотрел и хорошенько запомнил его номер...

В милиции чем-то недовольный пожилой капитан дотошно расспрашивал, не является ли пистолет собственностью его, профессора Медведева. Старательно сожалел, что он, профессор, не разглядел в сумерках номер машины. Пытался выяснить, нет ли у профессора врагов, которые могли бы заказать покушение из соображений личной неприязни. Александр Петрович начал закипать. Капитан перестал писать протокол и, глядя мимо профессора, сказал, что все это выглядит странно.

– Вы, в общем-то уже не молодой человек и самой мирной профессии, очень уж ловко обезоружили стрелявшего. Простите, но напоминает инсценировку... Как это?

Медведев посмотрел на лежавший у края стола пистолет.

– А вы, капитан, попробуйте выстрелить в меня. Можете боевыми. И я покажу *как это*... только за последствия не отвечаю. Имейте ввиду, что рука, перехватившая оружие, рефлекторно работает на ответный выстрел...

Похоже, что капитан обрадовался:

– Я не понимаю. Вы мне угрожаете, что ли? – Видимо, он был полный дурак. Или притворялся таковым.

– Я тоже не понимаю. Или понимаю. Кажется, вы тянете время, чтобы стрелявшие могли уехать как можно дальше, – выдал в ответ Медведев.

– Ну что вы, Александр Петрович, – добродушно сказал возникший в дверях подполковник. – Сразу же объявлен перехват, работают несколько бригад... Вы, конечно, сейчас взвинчены, это объяснимо. Мы отвезем вас домой, а потом, если будет надо, пригласим снова...

Милиция и в самом деле изображала активные телодвижения в деле поиска преступников. Прокурор города заявил, что взял дело под свой контроль. Но несмотря на это стрелявших все же нашли. Причем не тех двух бомжей, которых взяли почти сразу и которые на второй день пребывания в СИЗО признались в содеянном (мы мол, похитили стоявшую на улице машину и решили ограбить кого-нибудь этакого – представительной внешности и с толстым портфелем). Преступников отыскивали люди из афганского союза «Желтые пески», с которыми по старой памяти связался Корнейч. Они каким-то образом (каким, не знали ни Корнейч, ни Медведев)

использовали в поисках номер пистолета и, как говорится, «вышли на след». Дальше – дело техники.

Милицейские следователи неохотно отпустили помятых бомжей и взялись за двоих «настоящих» – стрелка и водителя. Те тоже признались. Но, когда речь шла о заказчиках преступления, несли ахинею. Якобы те действовали инкогнито, мотивов не называли, ничего не объясняли. Мол, вы делаете «работу», получаете пачку баксов в условном месте – и разбегаетесь. Когда же один молодой и не в меру активный следователь начал что-то нащупывать, его перевели на другую работу. Потом «стрелок» неожиданно умер в камере от инсульта, а водитель вдруг заявил, что ни в чем не виноват и что его вынудили признаться с помощью «незаконных методов». С ним повозились еще немного и... отпустили.

Медведеву было некогда протестовать и настаивать на продолжении следствия. Начались крупные неприятности. Такие, что грозила даже «статья». И ни мало, ни много, а об «измене родине». Оказалось, что он, ученый-математик Медведев передал за границу сведения, которые носили секретный характер. А все дело в том, что Александр Петрович узнал о трудах профессора Энрике Гонсалеса, жившего в Чили и вступил с ним в переписку. Поделились идеями и наработками. Идеи Гонсалеса были интересны уже тем, что, как и у Медведева, опирались в какой-то степени на открытия археологов. Латиноамериканский профессор побывал даже в экспедиции на раскопках древнего города инков...

Александр Петровичу сказали, что он не имел права сообщать результаты своих исследований иностранным ученым, поскольку результаты эти могут быть использованы в оборонных целях. Профессор Медведев ответил, что в оборонных целях можно использовать даже цветоводство. Например для того, чтобы возлагать розы и гиацинты на дураков-генералов, умерших от излишнего усердия.

Профессору посоветовали не шутить так.

Александр Петрович возразил, что шутит не он, а те, кто предъявляют ему идиотские обвинения. Разве он продал за рубеж технологию для китайских спутников или засекреченную статистику по экологии? Его работы носят абсолютно абстрактный характер, это область отвлеченной математики и философии.

Беседовавшие с профессором люди сказали, что «знаем мы эту философию; сегодня она абстрактная, а завтра пятьсот мегатонн в одном портсигаре». И взяли с него под пистолет о невыезде. Вдобавок сообщили, что дело примет очень серьезный оборот, когда «соответствующие специалисты» окончательно разберутся в сущности ушедших в Чили расчетов и выкладок.

Профессор ответил, что прекрасно, если разберутся. Потому что сам он пока разобраться не может очень во многом. Так же, как его коллега Энрике Гонсалес. Может быть, вышеупомянутые специалисты помогут ему проникнуть в суть явления, условно названного «хроновектор икс в степени эн», а также...

Его перебили и пообещали, что разберутся во всем.

Отступились, не разобрались. Видимо, потому, что «соответствующих специалистов», способных полностью вникнуть в эти вопросы, пока еще просто-напросто не было на Земле.

Профессор Медведев написал про этот случай ехидную статью, хотя ему «настоятельно рекомендовали» проявить благоразумие и «не обострять ситуацию». Статью напечатала ершистая газета «Титулярный советник». Последний абзац статьи был таким:

«Если уж чем-то неугоден сделался недостреленный математик, можно было поступить испытанным способом: сунуть ему в портфель ржавый наган или полкило героина и привычно раскрутить уголовное дело. А строить обвинения на основе философских абстракций и нерешенных еще математических проблем – это вопиющее невежество и самонадеянность... Да, наука математика может многое. Может, например, рассчитать смещение земной оси или способы изменения планетных орбит. Но это лишь область теории. А жаль. Потому что иногда

хочется не в теории, а на практике тряхнуть эти орбиты – чтобы в Солнечной системе поубавилось человеческой глупости».

После публикации редактор газеты был «отечески предупрежден» (о чем «Советник» тут же известил читателей). А профессору Медведеву целый год не давали визу для поездки в Мексику, где теперь обитал переехавший из Чили Энрике Гонсалес. Наконец дали. Александр Петрович обрадованно улетел в Москву, а оттуда в Мехико. Там через три месяца его нашли мертвым в гостиничном номере. Врачи сказали, что паралич сердца. Но было непонятно – отчего? Ни на сердце, ни на другие хвори он никогда не жаловался. Несмотря на возраст, был спортсмен – лыжник, велосипедист...

Через посольство переслали в Преображенский технический университет, где раньше работал Медведев, урну. Ее захоронили в могиле родителей Александра Петровича. Стоял солнечный апрельский день, проклевывались почки. Не было оркестра, никто не говорил речей. Ветераны «Эспады» стояли отдельной группой. Корнеич заметил бывшую жену Медведева, с которой тот был давно в разводе. Здесь же стояла его взрослая дочь – с таким выражением лица, словно опаздывала в косметический салон. Корнеич подошел.

– Перед отъездом Александр Петрович оставил у меня кое-какие книги и бумаги. Может быть, вам что-то нужно?

Бывшая жена покачала головой:

– Зачем? Что мы в этом понимаем...

2

– А в мае, перед Днем Победы, меня навестили два научных сотрудника, – сказал Корнеич, когда сидели вчетвером на кухне. – Молодые, аккуратные. Вежливые. Сказали, что доценты из Технического университета. Доцент Семенов и доцент Савченко. Я вам, по-моему, про это еще не говорил...

– Доценты в штатском... – вставил Кинтель.

– Очень интеллигентные... Говорят: «Даниил Корнеевич, до нас дошла информация, что перед отъездом Александр Петрович отдал вам на хранение кое-какие свои материалы...»

Я говорю: «Не на хранение, а в подарок».

«Конечно, конечно, – говорят. – Мы понимаем. Но это же такие специфические документы. Вам они совершенно неинтересны. А для нашей кафедры они...»

«Для кафедры?» – говорю.

«Да-да, именно... Особенно интересна черная толстая тетрадь с записями от руки...»

Думаю, и откуда только узнали про тетрадь? Видать, Саша не был очень скрытен среди своих коллег...

Не стал я упираться и рыпаться, говорю сразу:

«Да ради Бога! Вам нужен обязательно оригинал или можно дубликат?»

Они малость изменились в лице:

«А что, разве есть копия?»

«Конечно, – объясняю я. – И не одна. С хорошего ксерокса. А если поискать в Интернете, можно, по-моему, и там найти, на математических сайтах...»

Они обменялись такими взглядами... ну, будто спрашивают друг друга: «Ты не брал мой бумажник?» А потом ко мне. Укоризненно так:

«Напрасно вы это сделали, Даниил Корнеевич».

Я честно вытаращил глаза:

«Господи, да причем здесь я? Это он сам. Такие записи не хранят в одном экземпляре, это даже козе понятно... простите, конечно».

Повздыхали они, покивали, а потом все-таки:

«Ну, а тетрадочку-то разрешите? Мы разберемся, скопируем, а дальше можем и вернуть вам, если она дорога как память...»

«Очень, – говорю, – буду признателен».

– Не вернули, конечно? – спросил Каховский.

– Вернули! Недели через две пришли снова, доцент Семенов и доцент Савченко.

«Вот, – говорят, – пожалуйста... А скажите, не делился ли Александр Петрович с вами какими-то соображениями по поводу своих записей?»

Я захлопал глазами.

"Он, – говорю. – *Со мной* ? Это все равно, что рассуждать с сельским ветеринаром о тонкостях древнеяпонской лингвистики".

«Ну да, ну конечно, у вас разные сферы... А все-таки, может быть, как-то между делом... Не объяснял ли он вам случайно, что значит этот символ?» – и показывают мне в записях значок. Что-то вроде колечка со спицами и петелькой сверху. И таких значков там, кстати, на странице немало...

Я, конечно, только руками развел. Понятия, мол, не имею.

«Похоже, – говорю, – на скрипичный ключ...»

Тут у одного, у Савченко, по-моему, вырвалось:

«Ключ-то ключ, да только от какой музыки...»

– Непрофессионально, – заметил Каперанг. – Даня, а может, они правда из университета? Ты не выяснял?

– А на фиг мне это? – горько сказал Корнеич. – Саню все равно не вернешь... И никогда никто не найдет тех гадов, которые добрались до него там, в Мехико...

– Ты что... думаешь, с ним, как с Троцким? Только работа почище? – угрюмо спросил Каперанг.

Корнеич с прежней горечью сказал:

– А ты веришь в паралич сердца?

Каперанг хотел налить в рюмки, но раздумал. Стал смотреть в окно. Еще светило солнце, но уже вечернее, желтоватое. На дворе перекликались ребятишки. В комнате двигала гладильную доску Татьяна, оттуда пахло свежим горячим бельем...

– Можно, я спрошу? – сказал Кинтель. – Это, конечно не для моего понимания, не для рядового программиста из нотариальной конторы...

– Да ладно тебе, – поморщился Корнеич.

– ...Но все равно спрошу. Не доходит до меня: почему математика Медведева кто-то боялся? Ведь не физик-ядерщик, не супер-оружейник. Что там? Цифры да календарики... Простите, Сергей Евг... ой, Владимирович.

– Не просто цифры, дорогой мой, – веско проговорил Каховский. – Видимо, дело в теории хронополя. Саша был близок к тем проблемам, которыми занимался известный ученый Козырев.

– Это который открыл вулканы на Луне? – оживился Каперанг.

Каховский чуть улыбнулся:

– Похоже, Дима, что ты читал не только уставы и литературу о субмаринах.

– Не только. Значит, тот? Ему единственному у нас в стране, кроме Гагарина, Международная академия астронавтики дала золотую медаль с алмазами. За его лунные открытия...

– Да. Но речь не о вулканах на Луне, а о том, что он усиленно изучал свойства времени. Как физического явления. И это всю его жизнь многим очень не нравилось... Ну, то, что в лагерях сидел, это понятно, тогда кто только не сидел. А за что в конце жизни уволили из обсерватории, не давали работать?... Значит, не столь уж безобидная теория...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.